

18+

ЭЛЬ КЕННЕДИ

ЦЕЛЬ

«Блестящий образец того, какой глубокой может быть
new adult литература при правильной подаче».
Рецензия на сайте All About Romance.

Main Street. Коллекция «Скарлет»

Эль Кеннеди

Цель

«АСТ»

2016

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое) 44

Кеннеди Э.

Цель / Э. Кеннеди — «АСТ», 2016 — (Main Street. Коллекция «Скарлет»)

ISBN 978-5-17-111677-4

Студентка-старшекурсница Сабрина Джеймс спланировала свою жизнь заранее: учеба в колледже, поступление на юридический факультет университета, престижная работа. И в этой жизни точно нет места романтичному хоккеисту, который верит в любовь с первого взгляда. Все же девушка проводит с Джоном Такером одну ни к чему не обязывающую ночь, даже не предполагая, что она изменит ее жизнь. Джон Такер уверен, что быть частью команды гораздо важнее одиночного успеха. На льду хоккеист готов принимать любые условия, но когда встреча с девушкой мечты переворачивает его жизнь с ног на голову, Такер не собирается отсиживаться на скамейке запасных. Даже если сердце неприступной красавицы остается закрытым для него. Сможет ли парень убедить ее, что в жизни есть цели, которых лучше добиваться сообща?

УДК 821.111(73)

ББК 84(7 Сое) 44

ISBN 978-5-17-111677-4

© Кеннеди Э., 2016

© АСТ, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

54

Эль Кеннеди

Цель

Elle Kennedy

THE GOAL

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

Copyright © 2016 by by Elle Kennedy

© Н. Болдырева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

«Блестящий образец того, какой глубокой может быть new adult литература при правильной подаче».

Рецензия на сайте ALL About Romance

Эль Кеннеди – автор многочисленных романов, которые не раз попадали в список бестселлеров по версии New York Times и становились выбором читателей журнала Romantic Times.

1

Сабрина

– Черт. Черт. Черт. Че-е-ерт. Где мои ключи?

Часы в узком коридоре говорят, что у меня есть пятьдесят две минуты, чтобы совершить поездку длительностью шестьдесят восемь минут, если я хочу попасть на вечеринку вовремя.

Я снова проверяю свою сумочку, но ключей там нет. Пробегаюсь по разным местам. Комод? Нет. Ванная? Я только что оттуда. Кухня? Может быть...

Я собираюсь развернуться, когда слышу позади металлическое позвякивание.

– Ты ищешь это?

Я поворачиваюсь и делаю шаг в гостиную, настолько маленькую, что пять предметов потрепанной мебели: два стола, два дивана – один двухместный, другой одноместный – и одно кресло – прижаты друг к другу как сардины в банке. Кусок плоти на диване машет моими ключами. В ответ на мой раздраженный вздох и презрительный взгляд он ухмыляется и запикивает их под прикрывающие задницу треники.

– Иди, возьми их.

Я удрученно провожу рукой по выпрямленным волосам, прежде чем начать атаку на отчима.

– Дай мне мои ключи, – требую я.

Рэй искоса смотрит в ответ.

– Проклятье, ты выглядишь сексуально сегодня. Ты превратилась в настоящую куколку, Рина. Нам с тобой стоит замутить.

Я игнорирую его жирную руку, падающую на промежность. Никогда не видела мужчину, настолько безнадежного, чтобы хвататься за собственное хозяйство. На его фоне Гомер Симпсон кажется джентльменом.

– Мы с тобой не созданы друг для друга. Так что не смотри на меня и *не зови* меня Риной. – Рэй – единственный человек, который называет меня так, и я, мать его, ненавижу это. – А теперь дай мне мои ключи.

– Я же сказал, подойди и возьми.

Стиснув зубы я сую руку под его жирную задницу и пытаюсь нащупать ключи. Этот мерзкий кусок дерьма Рэй хрипит и извивается, пока моя рука не натывается на металл.

Я вытаскиваю ключи и направляюсь к двери.

– Да что тут такого? – глумится он за спиной. – Мы не родня, так что никаких проблем с инцестом.

Я останавливаюсь, не веря своим ушам, и трачу тридцать секунд своего драгоценного времени, чтобы сказать:

– Ты мой отчим. Женат на моей матери. И... – я подавляю приступ тошноты, – ... спишь сейчас с бабушкой. Так что дело не в том, родня мы или нет, а в том, что ты – самый мерзкий человек на свете, и ты должен сидеть в тюрьме.

Его карие глаза темнеют.

– Следи за своим языком, девочка, или однажды вернешься домой, а дверь будет заперта. Плевать.

– Я плачу треть ренты, – напоминаю я ему.

– Ну, может, тебе придется платить больше.

Он снова разворачивается к телевизору, а я трачу еще несколько ценных секунд, представляя, как бью его по голове сумочкой. Оно того стоит.

На кухне бабушка сидит за столом, курит сигарету и читает статьи журнала *People*.

– Ты это видела? – восклицает она. – Ким К. опять голая.

– Какая молодец. – Я хватаю свой пиджак со спинки стула и направляюсь к кухонной двери.

Я обнаружила, что дом безопаснее покидать через заднюю дверь. Обычно на ступенях узких городских домов нашей далеко не богатой улицы в далеко не богатом районе Бостона собирается уличная шпана. Кроме того, за домом располагается парковка.

– Слышала, Рейчел Беркович залетела, – замечает бабушка. – Ей стоило бы сделать аборт, но это противоречит их религии.

Я сильнее сжимаю зубы и поворачиваюсь к своей бабке. Как обычно, она одета в рваный халат и пушистые розовые тапки, но ее крашенные белые волосы идеально уложены, а на лице полный макияж, хотя она редко выходит из дома.

– Она еврейка, бабуль. Не думаю, что это против ее религии, но даже если и так, это ее выбор.

– Наверное, ей нужны дополнительные продовольственные талоны, – делает вывод бабушка, выпуская в мою сторону длинную струю дыма.

Дерьмо. Надеюсь, к тому времени, как доберусь до Гастингса, я не буду пахнуть как пепельница.

– Полагаю, это не та причина, по которой она хочет сохранить ребенка. – Положив одну руку на дверь, я беспокойно переминаюсь с ноги на ногу, ожидая паузы, чтобы попрощаться с бабушкой.

– Твоя мать думала сделать аборт, когда была беременна тобой.

Вот оно.

– Ладно, достаточно, – бормочу я. – Я еду в Гастингс. Буду поздно.

Она отрывается от журнала и, прищурившись, окидывает взглядом мою черную вязаную юбку, черный свитер с короткими рукавами и декольте и трехдюймовые каблуки. Я знаю, что она хочет сказать, еще до того, как бабуля открывает рот.

– Выглядишь вызывающе. Уезжаешь в этот свой модный колледж? У тебя занятия в субботу ночью?

– Это коктейльная вечеринка, – неохотно отвечаю я.

– О, коктейль-шмоккейль. Надеюсь, у тебя губы не треснут целовать там всех в задницу.

– Да, спасибо, бабуль. – Я открываю ключом заднюю дверь и заставляю себя добавить: – Люблю тебя.

– И я тебя, детка.

Она действительно любит меня, но иногда эта любовь такая испорченная, что я не знаю, то ли она мне вредит, то ли помогает.

Мне не удастся доехать до маленького городка Гастингс ни за пятьдесят две, ни за шестьдесят восемь минут. Вместо этого я добираюсь туда полтора часа, потому что дороги просто ужасны. Еще пять минут уходит и на то, чтобы найти место для парковки, и к тому моменту, как я подхожу к дому профессора Гибсон, я натянута как струна... и чувствую себя на пределе.

– Здравствуй, мистер Гибсон. Прошу прощения за опоздание, – говорю я очкарику в дверях.

Муж профессора Гибсон мягко улыбается мне.

– Не беспокойся об этом, Сабрина. Ужасная погода. Давай я заберу твою куртку. – Он протягивает руку и терпеливо ждет, пока я сражаюсь со своим шерстяным пиджаком.

Профессор Гибсон подходит, когда ее муж вешает мой дешевый пиджак среди дорогих вещей в гардеробе. Он выглядит там так же неуместно, как и я в этом доме. Я запикиваю подальше чувство неполноценности и широко улыбаюсь.

– Сабрина! – радостно восклицает профессор Гибсон. Ее присутствие заставляет меня собраться. – Рада, что ты добралась в целости и сохранности. Снег еще не пошел?

– Нет, только дождь.

Она морщится и берет меня за руку.

– Еще хуже. Надеюсь, ты не планируешь возвращаться сегодня в город? На дорогах будет сплошной лед.

Поскольку утром мне нужно на работу, я поеду, невзирая на состояние дорог, но не хочу, чтобы профессор беспокоилась, и ободряюще улыбаюсь.

– Со мной все будет в порядке. Она все еще тут?

Профессор кладет руку мне на плечо.

– Да, и ей не терпится познакомиться с тобой.

Замечательно. Впервые с тех пор, как вошла в дом, я вдыхаю полной грудью и позволяю провести себя через комнату к невысокой седой женщине, в свободного кроя пастельном пиджаке и черных брюках. Наряд так себе, но бриллианты, сверкающие в ее ушах, больше, чем мой палец. Что еще? Она кажется чересчур добродушной для профессора права. Я всегда представляла их суровыми, строгими созданиями. Вроде меня.

– Амалия, позволь мне представить тебе Сабрину Джеймс. Это студентка, о которой я тебе говорила. Первая в классе, работает на двух работах и при этом смогла получить семьдесят семь баллов на вступительных экзаменах в юридической школе. – Профессор Гибсон поворачивается ко мне: – Сабрина, Амалия Фромм, выдающийся знаток конституции.

– Очень приятно познакомиться! – Я протягиваю руку и молю Бога, чтобы она не оказалась влажной на ощупь. Готовясь к этому, я целый час практиковалась пожимать собственную руку.

Амалия слегка сжимает руку, а затем отступает.

– Мать – итальянка, дед – еврей, отсюда и странное сочетание имен. Джеймс – шотландское имя, ваша семья оттуда? – Она окидывает меня взглядом светлых глаз, и я едва удерживаюсь от того, чтобы не начать теревить свою старую дешевую одежду.

– Не могу сказать, мэм. – Семья моя родом из сточной канавы. Шотландия – слишком приятная и величественная страна, чтобы быть нашей родиной.

Она взмахивает рукой.

– Это неважно. На досуге я балуюсь генеалогией. Итак, ты уже подала документы в Гарвард? Келли сказала, что да.

Келли? Кто такая Келли?

– Она говорит обо мне, дорогая, – говорит профессор Гибсон с мягким смехом.

Мои щеки заливают краска.

– Да, прошу прощения. Я думаю о вас как о профессоре.

– Так официально, Келли! – осуждающе восклицает профессор Фромм. – Сабрина, куда еще ты подала документы?

– Колледж Бостона, Суффолк и Йель, но Гарвард – моя мечта.

Амалия удивленно поднимает бровь в ответ на мой запасной список из трех бостонских школ.

Профессор Гибсон встает на мою защиту.

– Она хочет оставаться ближе к дому. И очевидно, она стоит чего-то большего, чем Йель.

Обе женщины презрительно фыркают. Профессор Гибсон была выпускницей Гарварда, а выпускники Гарварда, безусловно, всегда настроены против Йеля.

– Судя по тому, что рассказала Келли, похоже, что для Гарварда станет честью принять тебя.

– Для меня будет честью стать студенткой Гарварда, мэм.

– Письма о приеме скоро будут отправлены. – Ее глаза сверкают озорным блеском. – Я обязательно замолвлю словечко.

Амалия награждает меня еще одной улыбкой, и я чуть не падаю в обморок от счастливого облегчения. Я не пыталась польстить ей. Гарвард и правда был моей мечтой.

– Спасибо, – наконец хриплю я.

Профессор Гибсон направляет меня к столу.

– Почему бы тебе не поесть чего-нибудь? Амалия, хочу поговорить с тобой о документе Брауна. У тебя была возможность просмотреть его?

Обе отворачиваются, погружаясь в диалог о взаимосвязи между черным феминизмом и расовой теорией – тема, в которой профессор Гибсон является экспертом.

Я бреду к столу с закусками, накрытому белой скатертью и заставленному сыром, крекерами и фруктами. Две мои лучшие подруги: Хоуп Мэтьюс и Карин Томпсон – уже стоят там. Одна темненькая, другая светленькая, они – самые красивые и умные ангелы в мире.

Я подхожу и едва не падаю в их руки.

– Ну? Как все прошло? – нетерпеливо спрашивает Хоуп.

– Думаю, хорошо. Она сказала, что, похоже, для Гарварда будет честью принять меня и что первая часть извещений о приеме скоро начнет приходить.

Я хватаю тарелку и начинаю наполнять ее, желая, чтобы куски сыра были побольше. Я так голодна, что смогла бы съесть целую головку сыра. Весь день нервничала из-за этой встречи и теперь хотела просто упасть лицом в тарелки с едой.

– О, ты создана для Гарварда, – заявляет Карин.

Мы все трое находимся под патронажем профессора Гибсон, которая верит исключительно в поддержку молодых женщин. В кампусе есть еще несколько сетевых организаций, но все ее влияние направлено лишь на продвижение девушек, и я более чем благодарна за это.

Сегодняшняя коктейльная вечеринка организована для ее студентов, чтобы они могли познакомиться с преподавателями самых престижных факультетов страны. Хоуп хочет получить место на медицинском факультете Гарварда, а Карин отправится в Массачусетский технологический.

Ох уж это море эстрогена в доме профессора Гибсон. Кроме ее мужа присутствует лишь пара мужчин. Я действительно буду скучать по этому месту после выпуска. Это был мой второй дом.

– Скрестим пальцы, – отвечаю я Карин. – Если не попаду в Гарвард, тогда будет Бостонский колледж или Суффолк. – Тоже неплохо, но Гарвард практически гарантирует мне работу мечты после выпуска в одной из ведущих юридических фирм страны, или, как у нас говорят, в Большой Юриспруденции.

– Ты поступишь, – уверенно говорит Хоуп. – И, надеюсь, как только получишь письмо о приеме, ты прекратишь убивать себя, потому что... Боже, Би, ты выглядишь напряженной!

Я с трудом поворачиваю голову, разминая шею. Да, я действительно напряжена.

– Знаю. В последнее время у меня жесткий график. Сегодня, например, легла спать в два ночи, потому что девушка, которая должна была закрывать «Ковбойские сапоги», сбежала и оставила меня одну, а потом пришлось встать в четыре, чтобы разобрать почту. Я добралась домой около полудня, отключилась и чуть не проспала.

– Все еще работаешь в двух местах? – Карин убирает с лица свои рыжие волосы. – Ты говорила, что бросишь подработку официанткой.

– Пока не могу. Профессор Гибсон говорит, что в юридической школе не хотят, чтобы мы работали в первый год обучения. Единственный способ иметь достаточно денег на еду и жилье – накопить до сентября.

Карин сочувственно вздыхает.

– Я тебя понимаю. Мои родители взяли такой большой кредит, что на него можно было бы купить небольшую страну.

– Хотела бы я, чтобы ты поселилась с нами, – жалобно добавляет Хоуп.

– Неужели? Вот уж не знала, – шучу я. – С начала семестра ты повторяешь это всего лишь дважды в день.

Она в ответ морщит свой хорошенький носик.

– Тебе бы *так понравилось* то место, что папа для нас снял! Там окна от пола до потолка, и это прямо у ветки метро. А общественный транспорт... – она загадочно двигает бровями.

– Это очень дорого, Эйч.

– Ты же знаешь, я бы покрыла разницу... Точнее, мои родители, – поправляется она. У семьи этой девушки денег больше, чем у какого-нибудь нефтяного магната, но, глядя на нее, этого не скажешь. Она такая же практичная, как и мы.

– Знаю, – говорю я, заглатывая куски мини-сосисок. – Но я буду чувствовать вину, потому что вина может перерасти в обиду, и затем мы перестанем быть подругами, а перестать быть твоей подругой – это отстой.

Она качает в ответ головой.

– Если когда-нибудь твоя упрямая гордость позволит тебе попросить о помощи, я буду тут.

– Мы будем тут, – вклинивается Карин.

– Видите? – Я указываю вилкой то на одну, то на другую. – Вот почему я не могу жить с вами, девчонки. Вы непомерно много для меня значите. Кроме того, это мне на руку. У меня сбережений почти на десять месяцев до начала занятий следующей осенью. У меня есть эти деньги.

– Хотя бы приди выпить с нами, когда все это кончится, – умоляет Карин.

– Мне еще домой ехать, – я скроила кислую мину. – Я заступаю в смену завтра и сортирую посылки.

– В воскресенье? – с удивлением спрашивает Хоуп.

– Оплата в полтора раза выше. Я не смогла отказаться. На самом деле я скоро должна буду уехать. – Я ставлю тарелку на стол и пытаюсь взглядом окинуть происходящее за большим эркерным окном. Я вижу лишь тьму и росчерки дождя по стеклу. – Чем скорее я поеду, тем лучше.

– Только не по этой погоде. – Профессор Гибсон появляется у моего локтя с бокалом вина. – Сообщили о гололеде: температура падает, и дождь превращается в лед.

Один взгляд на лицо моего куратора, и я понимаю, что должна отступить. Что я и делаю, но с большой неохотой.

– Хорошо, – говорю я, – но я выражаю протест. И вам... – я указываю вилкой на Карин, – лучше приберечь мороженое в морозилке на тот случай, если мне придется остаться с вами, а то я точно разозлюсь.

Мы смеемся. Профессор Гибсон идет дальше, оставляя нас одних как троицу лучших старшекурсников. Через час общения мы с Хоуп и Карин хватаем наши пальто.

– Куда идем? – спрашиваю я девочнок.

– Д'Андре в «Мэлоуне», и я обещала встретиться с ним там, – отвечает Хоуп. – Ехать всего две минуты, так что все будет в порядке.

– В «Мэлоуне»? Но это же бар для хоккеистов, – хнычу я. – Что Д'Андре делает там?

– Пьет и ждет меня. Кроме того, тебе нужно с кем-то переспать, а спортивный – твой любимый типаж.

Карин фыркает.

– Скорее, единственный.

– Эй, – возражаю я, – у меня есть очень веские причины, чтобы предпочитать спортсменов.

– Знаю. Мы это слышали. – Она закатывает глаза. Если хочешь получить ответ на статистический вопрос, обращай к ботаникам. А если желаешь удовлетворить физические потребности, иди к спортсменам. Тело – инструмент профессиональных атлетов. Они заботятся о нем и знают, как добиться совершенства, бла-бла-бла. –левой рукой Карин изображает болтливый рот.

Я показываю ей средний палец.

– Но заниматься с тем, кто тебе нравится, намного приятнее, – говорит Хоуп, которая встречается с Д'Андре, своим парнем-футболистом, с младших классов.

– Мне они нравятся, – возражаю я, – час или около того, пока я их пользую.

Мы хихикаем над этим, но затем Карин вспоминает парня, который понизил планку.

– А ты помнишь Грэга «Десять секунд»?

Ее слова заставляют меня поежиться.

– Во-первых, большое спасибо, что напомнила мне об этом ужасе, во-вторых, я не говорю, что среди них нет «бракованных». Просто с атлетами шансы выше.

– А хоккеисты тебе подходят? – спрашивает Карин.

Я пожимаю плечами.

– Не могу знать. Я не вычеркнула их из списка потенциальных партнеров не из-за успехов в постели, а потому что они сверхпривилегированные засранцы, получающие снисхождение от профессионалов.

– Сабрина, детка, ты должна дать им шанс, – настаивает Хоуп.

– Не-а. С хоккеистами я не играю.

– Боже, посмотри, что ты упускаешь. – Карин развратно проводит языком по губам. – А парень с бородой? Я хочу знать, на что это похоже. Борода – в списке моих невыполненных желаний.

– Ну так дерзай. Мой бойкот хоккеистов оставляет тебе больше шансов.

– Вполне согласна, но... – Она ухмыляется. – Нужно ли мне напоминать, что ты переспала с той шлюхой Дином Лаурентисом?

Фу. Вот об этом мне *никогда* не стоит напоминать.

– Во-первых, я была пьяная вдрызг, – ворчу я. – Во-вторых, это было на втором курсе. И, в-третьих, именно поэтому я поклялась держаться подальше от хоккеистов.

Хотя в колледже Брайара и есть лидирующая футбольная команда, он известен прежде всего благодаря хоккеистам. Парни на коньках тут возведены в ранг богов. Обсуждаемый субъект: Дин Хейвард Ди Лаурентис. Он учится на политологическом, как и я, у нас было несколько общих курсов, в том числе по статистике на втором году обучения. Этот курс был чертовски сложен. Все очень старались.

Все, кроме Дина, который спал с ассистенткой преподавателя.

И она поставила засранцу «отлично», чего он совершенно *не* заслужил. Я знаю это наверняка, потому что последнее задание мы выполняли в паре, и я видела, какую чушь он написал.

Когда я узнала, что он сдал на «пять», мне захотелось отрубить ему член. Это было так несправедливо. Я пахала как лошадь весь курс. Проклятье, да я везде пашу как лошадь! Все мои достижения заработаны кровью, потом и слезами, в то время как какая-то задница имеет все на блюдечке. Да пошел он!

– Она снова злится, – Хоуп театрально шепчет Карин.

– Она думает о том, как Ди Лаурентис получил «отлично» на том курсе, – так же громко твердит Карин в ответ. – Ей правда нужно с кем-то переспать. Когда был последний раз?

Я уже собираюсь снова заткнуть ее, как вдруг понимаю, что не могу вспомнить.

– Ну... был Мейер, игрок в хоккей на траве. Это было в сентябре. И после был Бо... – Я засияла. – Ха! Видите? Всего лишь чуть больше месяца назад. Едва ли это глобальная катастрофа.

– Детка, с твоим расписанием недопустимо *месяц* жить без секса, – возражает Хоуп. – Ты – ходячий комок нервов, а это значит, что тебе нужен хороший трах по меньшей мере... каждый день, – заключает она.

– Через день, – возражает Карин. – Дайте киске отдохнуть.

Хоуп кивает.

– Хорошо. Но сегодня – никакого отдыха киске!

Я фыркаю от смеха.

– Слышала, Би? Тебя покормили, ты выспалась днем, а теперь тебе нужно немного секса, – заявляет Карин.

– Но... «Мэлоун», – осторожно повторяю я. – Мы только что установили, что это место кишит хоккеистами.

– Не только. Готова спорить, Бо там. Хочешь, спрошу у Д'Андре? – Хоуп поднимает телефон, но я качаю головой.

– Бо займет слишком много времени. Захочет, например, поговорить во время секса. А я хочу сделать дело и уйти.

– Разговоры? Это звучит пугающе.

– Прекрати.

– Заставь меня, – Хоуп встряхивает головой, задевая меня длинными косами, а затем выходит из дома профессора Гибсон.

Карин пожимает плечами и следует за ней, после секундного замешательства я иду следом. К тому моменту как мы подходим к машине Хоуп, наши пальто мокрые насквозь, но мы идем, накинув капюшоны, чтобы ливень не добрался до волос.

Я действительно не в настроении общаться с парнями сегодня, но не могу отрицать, что подружки правы. Недели мучений и напряженной работы дают о себе знать: несколько последних дней я определенно чувствовала... зуд. Тот зуд, унять который можно лишь крепким, рельефным телом и, желательно, членом размером больше среднего.

Хотя я очень избирательна в связях, а «Мэлоун» заполнен хоккеистами, чем подтвердил мои опасения, уже через пять минут мы с девчонками входим внутрь.

Что ж, если расклад на сегодня такой, полагаю, будет нестрашно сыграть с тем, что на руках, и посмотреть, как будут развиваться события.

Хотя у меня не было никаких ожиданий, когда я шла за подругами к барной стойке.

2

Такер

– Держись от нее подальше, малыш. Она язва.

Дин передает свою, как всегда, бесполезную, мудрость новичку с левого фланга, Хантеру Девенпорту, когда я вхожу в «Мэлоун» прямо из-под проливного дождя.

Дороги в дерьме, и мне не очень-то хочется быть сегодня тут, но Дин настоял, что нам нужна вечеринка. Весь день без устали он мерил шагами наш дом, сердитый как черт и явно расстроенный, но, когда я спросил его, что стряслось, он пожал плечами и ответил, что чувствует беспокойство.

А это чушь. Может, я и считаюсь тихим в сравнении с моими горластыми товарищами по команде, но тупым меня точно не назовешь. Уверен, не нужно быть детективом, чтобы сложить два и два.

Элли Хейз, лучшая подруга девушки другого нашего соседа по комнате, вломила к нам прошлой ночью.

Дин – кобель.

Цыпочки любят Дина.

Элли – цыпочка.

Следовательно, Дин спал с Элли.

К тому же по всей гостинной были разбросаны вещи, потому что Дин физически не способен заниматься сексом в своей спальне.

Он еще не признался в этом, но, уверен, в конце концов признается. И еще я знаю: что бы ни произошло между ними прошлой ночью, Элли не жаждет повторения. Только вот почему это должно беспокоить Дина, короля отношений на одну ночь, я еще не понял.

– Она не кажется мне язвой, – протягивает Хантер, пока я стряхиваю воду с волос.

– Эй, Шарик, – ворчит в мою сторону Дин, – иди отряхиваться куда-нибудь еще.

Я закатываю глаза и следую за взглядом Хантера, который неотрывно смотрит на стройную брюнетку, стоящую спиной к нам у длинной стойки. Вижу короткую юбку, длинные ноги и густые темные волосы, спускающиеся по спине. Не говоря уже о круглейшей, крепчайшей и сексуальнейшей заднице, какой я когда-либо имел удовольствие восхищаться.

– Неплохо, – замечаю я, ухмыляясь, и поворачиваюсь к Дину. – Полагаю, эту ты уже застолбил?

Он бледнеет от ужаса.

– Никаких шансов. Это Сабрина, братан. Она и так чуть не довела меня до белого каления в школе. Не стоит нарываться на нее еще и тут.

– Стой, это Сабрина? – медленно переспрашиваю я. Девушка, которую Дин называет своим заклятым врагом? – Я видел ее в кампусе, но не знал, что она – та, о ком ты вечно ноешь.

– Та самая, – бормочет он.

– Вот же черт. На нее приятно смотреть. – Даже очень приятно, если честно. В словаре рядом с понятием «приятно» стоило бы изобразить задницу Сабрины. Также она может служить иллюстрацией к словам «великолепно», «черт побери» и «отпад».

– А что между вами произошло? – встревает Хантер. – Она что, твоя бывшая?

Дина передергивает.

– О нет.

Новичок поджимает губы.

– Значит, я не нарушу правил дружбы, если подкачу к ней?

– Хочешь подкатить к ней? Дерзай. Но предупреждаю: эта сучка съест тебя живьем.

Я отворачиваюсь, чтобы спрятать ухмылку. Похоже, кто-то отшил Дина. Между ними точно что-то было, но даже после того, как Хантер насел на него с вопросами, тот не колется.

Сабрина в другом конце бара поворачивается: вероятно, чувствует на своей заднице три пары глаз... две из которых чертовски голодны.

Ее взгляд пересекается с моим и на какой-то момент задерживается. В ее глазах вызов, и мой спортивный азарт заставляет его принять.

Она как будто спрашивает: «Ты достаточно хорош для меня?».

«Понятия не имею, дорогуша».

В ее взгляде вспыхивает огонек... А затем она переводит его на Дина. В тот же момент Сабрина поджимает губы и показывает нам средний палец.

Хантер стонет и бормочет, что Дин все испортил. Но Хантер – младенец, а в этой девушке огня хватит, чтобы спалить весь мир. Не представляю, чтобы она захотела переспать с восемнадцатилеткой, особенно когда он видит поражение при первом же препятствии. Малышу придется стать сильнее, если он хочет играть с большими мальчиками.

Я ишу в кармане наличку.

– Возьму пиво. Вам, парни, нужно заправиться?

Оба качают головой. Выполнив свой дружеский долг, я иду к бару и Сабрине, оставляя бармену время подать ей напиток.

Кладу двадцатку.

– У меня есть это, и я возьму «Миллер», когда у вас будет минутка.

Бармен забирает счет и спешит к кассе, прежде чем Сабрина успевает возразить. Она окидывает меня внимательным взглядом, затем поднимает бутылку к губам.

– Я не буду спать с тобой только потому, что ты купил мне выпить, – говорит она, слегка отрывая губы от края горлышка.

– Надеюсь на это, – отвечаю я, пожимая плечами. – У меня запросы повыше.

Затем вежливо киваю ей и возвращаюсь к столу, где собрались мои товарищи. Чувствую, как ее глаза сверлят мою спину, и, поскольку она не видит моего лица, позволяю себе удовлетворенную улыбку. Эта девушка привыкла к тому, что за ней увиваются, значит, нужно внести долю неожиданности в свои ухаживания.

Когда я сажусь за стол, Хантер уже рассматривает другую группу девушек, а Дин с головой зарылся в телефон – наверное, переписывается с Элли. Интересно, знают ли другие парни, что между ними было? Вероятно, нет. Гаррет и Логан со своими подружками до завтра будут в Бостоне, так что, скорее всего, они еще в неведении. Но Гаррет был уверен, что в эти выходные Дин будет держать свои руки подальше от Элли. Он не хотел бы, чтобы его идеальную жизнь с лучшей подружкой Элли, Ханной, испортила какая-нибудь драма.

Учитывая, что никаких взрывов или безумных звонков не наблюдалось, я готов был поспорить, что Дин и Элли сохранили свою встречу прошлой ночью в секрете.

Как только Хантер открывает рот, чтобы сказать какую-то глупость одной из девушек, подошедших к столу, свет начинает зловеще мерцать.

Дин хмурится.

– Там апокалипсис снаружи, что ли?

– Погода портится, – отвечаю я.

Дин решает уйти. Я остаюсь на месте, несмотря на то что вообще не хотел ехать сегодня в бар. Не знаю, почему, но эта пара слов с Сабриной очень меня завела.

Нельзя сказать, чтобы в моей жизни было мало девушек. Я не могу хвастаться своими похождениями, как Дин, Логан или другие парни из команды, но я в игре. Иногда даже позволяю себе секс на одну ночь, когда в настроении.

И прямо сейчас я в настроении.

Хочу Сабрину снизу, сверху, как угодно и где ей заблагорассудится, меня это устроит. И я хочу ее настолько сильно, что тереблю рукой бороду, борясь с желанием опустить ее ниже и потеревать кое-что другое.

Я все еще не уверен насчет бороды. Начал отращивать ее во время чемпионата прошлой весной, но стал похож на дикаря и уже летом сбрил ее. Затем она снова отросла, потому что я чертовски ленив, а подравнивать ее намного проще, чем сбривать совсем.

– Сядь, чувак, – просит Хантер. Его взгляд активно посылает сигналы, что их трое, а нас двое, но эти девушки, какими бы хорошенькими они ни были, вовсе не интересуют меня.

– Они все твои, малыш.

Я допиваю свою бутылку и возвращаюсь к бару, где все еще стоит Сабрина. Пара других хищников подвинулась ближе, я бросаю на них тяжелый взгляд и проскальзываю на только что освободившееся место рядом с ней.

Откидываюсь назад, опираясь локтем на барную стойку и давая ей иллюзию пространства. Она немного напоминает мне дикого пони: широко распахнутые глаза, длинные ноги и немое обещание лучшей скачки в твоей жизни. Но протяни руку слишком быстро, и лошадка умчится так, что уже не поймашь.

– Так ты друг Ди Лаурентиса?

Слова брошены небрежно, но учитывая, что они с Дином недолюбливают друг друга, есть только один способ избежать неловкости: все отрицать.

Но я не стану так поступать с другом, даже чтобы переспать с девушкой. И что бы у Сабрины ни было с Дином, это не относится ко мне, так же как и отношение Дина к ней не влияет на мои намерения. К тому же я убежден: как начнешь, так и пойдет дальше.

– Он мой сосед по комнате.

Она не пытается скрыть свою неприязнь и пытается меня отшить.

– Спасибо за выпивку, но, кажется, мои подруги зовут меня. – Она кивает на группу девушек.

Я окидываю взглядом толпу, но никто из них даже не смотрит в нашем направлении, и снова поворачиваюсь к ней, грустно качая головой.

– Стоит выдумать что-нибудь получше. Если хочешь, чтоб я ушел, просто скажи. Ты похожа на девушку, которая знает, чего хочет, и не боится сказать об этом.

– Это тебе Дин доложил? Ручаюсь, он назвал меня сукой, не так ли?

На этот раз я предпочитаю промолчать. Вместо этого делаю глоток.

– Он прав, – продолжает она, – я сука и не жалею об этом.

Она очаровательно вскидывает подбородок. Я бы ущипнул за него, но боюсь потерять пару пальцев, а они мне еще сегодня понадобятся. В моих планах – пройтись ими по всему ее телу.

Она делает еще один глоток пива, и я наблюдаю, как напрягаются нежные мышцы ее шеи. Твою мать, как же она красива. Даже если бы Дин сказал, что она пьет кровь младенцев, я все равно остался бы тут, настолько она привлекательна.

И не только для меня. Половина мужчин в баре бросает в мою сторону завистливые взгляды. Я чуть склоняюсь, чтобы закрыть ее собой от чужих глаз.

– Окей, – тихо говорю я.

– Окей? – На ее лице появляется милейшее выражение недоумения.

– Ага. Или это должно было меня отпугнуть?

Она сдвигает свои идеально очерченные брови.

– Не знаю, что он там еще обо мне сказал, но со мной непросто. Я не против переспать, но придиричива к тем, кого пускаю в свою постель.

– Он ничего об этом не говорил. Только о том, что тебе нравится шпынять его. Но мы оба знаем, что эго Дина может выдержать удар-другой. Проблема в том, что ты, кажется, заиклась на нем. И, похоже, это так, потому что он – единственное, о чем ты можешь говорить. – Я пожимаю плечами. – Если дела обстоят именно так, я отвалою прямо сейчас.

Поскольку Дин сказал, что ничего не испытывает к Сабрине, я хотел бы убедиться, что и с ее стороны нет никаких давних чувств. Ее тон, когда она говорила о нем, был сердитым, но и без оттенка горечи – хороший знак. У злости может быть множество причин, а горечь обычно – признак раненых чувств.

Когда – нет, если – мы ляжем вместе в постель, это должно быть потому, что Сабрина хочет быть со мной, а не потому, что так она может отомстить Дину.

Она бросает взгляд за мое плечо, туда, где сидят мои товарищи по команде, затем снова смотрит на меня. Некоторое время мы пьем молча. В ее шоколадно-коричневом взгляде сложно что-либо прочесть, но мне кажется, она тщательно взвешивает мои слова. Может быть, хочет, чтобы я сказал что-то и заполнил паузу, но я жду, что заговорит она. Плюс это дает мне время получше ее рассмотреть. И с этого расстояния она еще красивее, чем мне казалось.

У Сабрины не просто первоклассная задница и бесконечно длинные ноги. Мужчины могли бы молиться на ее грудь, произнося что-нибудь вроде: «Благодарю тебя, Иисусе, за то, что сотворил столь прекрасное создание» или «Боже, прошу, пусть она не будет лесбиянкой». Мне стоило большого труда не пялиться открыто на то, как вздымаются и опадают эти прекрасные холмы.

Наконец она ставит бутылку на стойку.

– То, что ты симпатичный, еще не значит, что я заинтересована.

Я ухмыляюсь.

– Ну, надо же с чего-то начинать.

Уголки ее губ приподнимаются в невольной улыбке. Она вытирает ладонь о юбку и протягивает руку.

– Сабрина Джеймс. Я уже слышала все шуточки о «маленькой ведьме»¹, и нет, я не заиклена на Дине Ди Лаурентисе.

Я беру протянутую руку, используя это, чтобы притянуть ее на дюйм ближе к себе. С такой девушкой нужно двигаться крошечными шагами.

– Джон Такер. Рад это слышать, но тебе стоит знать, что Дин мне как брат. Мы четыре года прикрывали друг другу спины на льду, жили вместе три года, я планирую погулять на его свадьбе и надеюсь увидеть его на своей. Это значит, что он мой друг, но не папочка.

– Стой, ты что, женишься? – спрашивает она в растерянности.

Удивительно, что из всего сказанного она зацепилась именно за это. Я провожу ладонью по внешней стороне ее руки и обхватываю пальцами ее запястье.

¹ Вероятно, имеется в виду американский сериал «Сабрина – маленькая ведьма».

– В будущем, дорогая. В будущем.

– О, – Сабрина поднимает свое пиво, но затем ставит обратно, когда видит, что бутылка пуста. – Стой. Ты *хочешь* жениться?

– В конце концов. – Я коротко смеюсь в ответ на ее удивление. – Не сегодня, но да, однажды я хочу жениться и завести ребенка, а может, и троих. А ты?

Мимо проходит бармен, и я протягиваю ему еще одну двадцатку.

Но Сабрина качает головой.

– Я за рулем. Одно пиво – мой лимит.

Я заказываю нам воду, и бармен в мгновение ока возвращается с двумя бокалами.

Свет снова мигает, заставляя меня поспешить. Либо нужно быстро перейти к делу, либо все потеряно.

– Спасибо, – говорит она, потягивая воду. – И нет, я не вижу себя с детьми или мужем в ближайшем будущем. Кроме того, мне казалось, что вы, хоккеисты, тоже любите свободную игру.

– Когда-нибудь даже великие игроки уходят на покой. – Я ухмыляюсь и подношу бокал ко рту.

Она смеется.

– Ладно, поверю на слово. Так в чем ты силен, Джон?

– Такер. Все зовут меня Такер или Так. И это деловое администрирование.

– Значит, ты распоряжаешься деньгами всей команды?

Я все еще не отпускаю ее запястье и с каждой репликой стараюсь сократить расстояние между нами.

– Нет. – Я киваю на свои колени. – К тому же я немного медленный для профессионала. Получил травму в школе. Достаточно хорош, чтобы иметь стипендию, но знаю свои пределы.

– О, мне жаль. – Сожаление в ее голосе кажется искренним.

Дин – дурак. Эта девушка не только красива, но и мила. Дождаться не могу, когда прикоснусь к ней губами.

И руками.

И зубами.

И твердым как сталь членом.

– Не стоит. Я не жалею.

Я скольжу рукой вдоль барной стойки, и вот Сабрина оказывается в кольце моих рук. Ее ноги зажаты между моими, так что, когда я чуть подамся бедрами вперед, смогу коснуться ее так, как того бешено хочет мое тело. Но если я что-то и понял за все годы игры в хоккей, так это то, что стоит проявить терпение, и тогда оно будет вознаграждено. Ты не бьешь сразу же, как клюшка находит шайбу, а ждешь верного момента.

– Я не собирался заниматься им серьезно, – добавляю я. – Думаю, хоккей – это то, чего нужно хотеть по-настоящему.

И тут она предоставляет его мне. Тот самый верный момент.

– И чего ты хочешь сейчас?

– Тебя, – дерзко отвечаю я.

Сразу после этого свет гаснет окончательно, и она едва не роняет свой бокал. Музыка из автомата замолкает, и в баре вдруг становится очень тихо. Вокруг слышится пара повизгивающих смешков и несколько тревожных вскриков.

– Ведите себя прилично, детишки, – кричит один из барменов. – Мы посмотрим, что случилось. Генератор заведется в любую секунду.

Как по команде воздух наполняется гулом, а затем заполненную людьми комнату освещает тусклое свечение ламп.

– Ты все еще хочешь пить? – спрашиваю я, поглаживая внутреннюю сторону ее запястья длинными, нежными прикосновениями, вверх, к сгибу локтя, и вниз, к запястью, снова и снова.

Ее взгляд опускается на наши сплетенные руки, как будто она только сейчас осознала, что мы стояли так все время. Я склоняюсь ближе и касаюсь носом края уха Сабрины, вдыхая ее пряный аромат.

Кажется, я могу простоять так целый день. Есть что-то приятное в том, чтобы затягивать ожидание, пока оно не станет почти болезненным. Это делает разрядку еще более взрывной. Чувствую, что секс с Сабриной Джеймс будет бомбой.

Я, мать его, не могу дождаться этого.

Сделав глубокий вдох, вдавивший ее идеальные сиськи прямо мне в грудь, она отстраняется... не очень далеко, но достаточно, чтобы создать некоторую дистанцию.

– Меня не интересуют отношения, – заявляет она. – Если мы сделаем это...

– Сделаем что? – не могу я удержаться от поддразнивания.

– *Это*. Не коси под дурочка, Такер. Тебе не идет.

У меня вырывается смешок.

– Справедливо. Хорошо... – машу рукой, – продолжай.

– Если мы приступим, – повторяет она, – ты должен понять, что это просто секс. Никакого неловкого утра и никаких телефонных номеров.

Я еще раз глажу ее, прежде чем отпустить, позволяя толковать мое молчание, как ей заблагорассудится. Сомневаюсь, что одного раза будет достаточно для нас обоих, но если ей нужно верить в это сегодня, пусть так и будет.

– Тогда идем.

Ее губы изгибаются в улыбке.

– Прямо сейчас?

– Прямо сейчас. – Я облизываю нижнюю губу. – Если только ты не хочешь посидеть еще, продолжая это хождение вокруг да около, вместо того чтобы сорвать друг с друга одежду.

Она позволяет себе горловой смешок, и я ощущаю его всем своим естеством.

– Очень веский довод, Такер.

Боже. Обожаю то, как мое имя звучит на этих полных, припухлых губах. Может, я попрошу повторить его, когда буду доводить ее до оргазма.

Желание охватывает меня настолько сильно, что я вынужден сжать ягодицы и дышать через нос, пытаясь обуздать его. Я беру Сабрину под локоть и проталкиваю к двери. Несколько человек зовут меня по имени или похлопывают по спине, желая успешной игры, но я игнорирую их.

Снаружи все еще льет дождь. Я притягиваю Сабрину ближе и поднимаю над ее головой свою черно-серебристую куртку. К счастью, мой грузовичок стоит неподалеку.

– Туда.

– Хорошее место для парковки, – замечает она.

– Не жалуюсь. – Это привилегия за участие в игровом составе успешной хоккейной команды колледжа.

Я помогаю ей забраться в грузовик, затем занимаю место водителя и завожу мотор.

– Куда?

Она слегка дрожит, и я не уверен, от холода это или по другой причине.

– Я живу в Бостоне.

– Тогда ко мне. – Потому что я, мать его, не могу ждать час, пока мы доедем до города. Мой член взорвется.

Она кладет руку мне на запястье, прежде чем я успеваю включить заднюю передачу.

– Ты живешь с Дином. Это не будет смущать тебя?

– Нет, с чего бы?

– Не знаю. – Ее указательный палец скользит к моим костяшкам.

Я стискиваю зубы, потому что эрекция едва не разрывает змейку на брюках. Единственная причина, по которой я не поцеловал ее, как только мы вышли из бара, в том, что, если бы начал, взял бы ее прямо у стены здания. Но сейчас, когда она касается меня, мой самоконтроль превращается в облако пара.

– Давай сделаем это здесь, – решительно говорит она.

Я хмурюсь.

– В машине?

– Почему нет? Тебе нужны свечи и розовые лепестки? Это просто секс, – настаивает она.

– Дорогуша, если будешь так говорить, я начну сомневаться, что это ты пытаешься меня убедить, а не наоборот. – Дыхание перехватывает, когда ее большой палец очерчивает крошечный круг в центре моей ладони. К черту. Я хочу ее так сильно. – Ладно. Хочешь сделать это в машине, будь по-твоему.

Без лишних слов я тянусь назад и опускаю спинку кресла до самого конца. Затем сбрасываю с себя куртку и швыряю ее на заднее сиденье.

– У тебя есть какие-то ограничения для «просто секса»? – интересуюсь я. – Вроде «не целовать в губы»?

– Черт, нет. Я что, похожа на Джулию Робертс?

Я поднимаю брови.

– «Красотка», – напоминает она. – Проститутка с золотым сердцем, не целующаяся с Джоном.

Я ухмыляюсь.

– Так, значит, ты говоришь, что поцелуешь *этого* Джона? – Я хлопаю себя по груди, чтобы она поняла: я говорю о собственном имени и не подразумеваю, что она – проститутка.

Она хихикает.

– Если не будешь меня целовать, я приду в ярость. Мне нужны поцелуи. Иначе я осталась бы дома, со своим вибратором.

Я улыбаюсь. Прислонившись спиной к окну и водрузив ноги на рулевую панель, я создаю колыбель для ее горячего тела и маню к себе.

– Тогда приди и возьми, что тебе нужно.

3

Сабрина

Такер сидит с легкой улыбкой на губах и огромной эрекцией в штанах. Я облизываю губы, меня охватывает возбуждение. Боже, как приятно будет чувствовать в себе этого монстра.

Мой взгляд падает на его аккуратно подстриженную бороду, и я на короткий момент задаюсь вопросом, не стоило ли уступить его Карин. В конце концов, борода была в списке *ее* желаний. Но теперь мне и самой интересно, как эта растительность будет ощущаться между ног: мягкой или жесткой? Я сжимаю бедра в предвкушении.

Хоуп и Карин были правы. Мне действительно нужно с кем-то переспать, и, хоккеист он или нет, я уверена: Такер подходит для этой задачи. Он обладает уверенностью в себе, без раздутого эго, что всегда меня заводило. Когда он сказал «тебя» в ответ на мой вопрос о том, чего он хочет, я чуть не кончила прямо в трусики.

К тому же он кажется надежным, будто даже землетрясение не может его поколебать. Я даже восхитилась тем, как он заступился за Дина, хотя выбрал неправильный объект для проявления лояльности. Такер наверняка знал: соври он насчет своей дружбы с Дином, у него

было бы больше шансов со мной, и тем не менее выбрал честность, которую я ценю превыше всего.

– Нужны подсказки? – Голос у него низкий и хриплый, растягивающий слоги. *Под-ска-а-аз-ки.*

Боже правый, этот акцент...

– Нет, просто прикидываю варианты.

Мне нравится, что он просто сидит и приказывает мне, что делать. Будто его огромный член существует только для меня. Дождаться не могу, когда все случится, но не могу решить, что сделать сначала. Рот наполняется слюной при мысли о том, как его ствол будет прокатываться по моему языку, при этом внутри все ноет от предвкушения того, как он будет растягивать меня, заполняя целиком.

– Почему бы нам не начать с поцелуев, которые ты так любишь? – предлагает он.

Я встречаюсь с его горящим взглядом.

– Куда? – спрашиваю я смущенно, что странно, потому что я никогда не смущаюсь. Есть что-то в его уверенности, что пробуждает во мне женщину, и я понимаю, что вовсе не против этого.

Он постукивает большим пальцем по нижней губе.

– Прямо сюда.

Двигаясь как можно более сексуально, я перебираюсь через коробку передач к нему на колени, позволив туфлям упасть на пол машины. Его губы слегка приоткрываются для поцелуя, но я медлю, прежде чем прижаться к ним своими. Вместо этого глажу пальцами бороду.

– Мягкая, – мурлычу я.

Его глаза мутнеют и наполняются таким желанием, что становится трудно дышать. А затем он хватает меня, устав от ожидания и разговоров.

Наши губы сливаются. Он запускает руку в мои волосы – не знаю, то ли для того, чтобы получить лучший угол, то ли чтобы получить преимущество для вторжения. Как бы там ни было, его язык творит с моим телом волшебные вещи. Я даже забываю, почему чуть не отшила его.

Высокий, горячий, с темно-каштановыми волосами и неухоженной бородой. Почему я вообще колебалась? А, точно: он хоккеист.

Чуть отвернувшись, я выдыхаю:

– Просто для справки: я ненавижу хоккеистов. Это разовая сделка.

Он откидывает мои волосы в сторону, чтобы обнажить шею.

– Учел. Я даже не стану напоминать тебе об этом, когда ты будешь умолять меня о втором раунде.

Смеясь, я хватаю его голову и прижимаю к себе, ощущая, как его язык спускается по шее к груди.

– Этого никогда не будет.

– Никогда не говори «никогда». Так легче отступить. Более изящно.

Его слова немного приглушены, он зарылся лицом в мою грудь. Мозолистая рука оттягивает рубашку, и я слышу разочарованный рык, когда ворот не опускается достаточно низко, чтобы дать ему доступ к желаемому.

Хорошо, что наши потребности совпадают. Я просовываю руки между нами и стягиваю свой свитер, и, прежде чем успеваю расстегнуть бюстгальтер, его губы крепко обхватывают мой сосок. Когда я тянусь расстегнуть замок, он отбрасывает мои руки.

Я смеюсь в ответ на его нетерпение, но смех замирает в горле, когда его ладонь смыкается вокруг оголенной груди. Его грубые ласки заставляют меня изогнуться. Боже, как давно, *слишком* давно это было. Пока губы Такера заняты посасыванием одного соска, пальцы сжимаются и дразнят другой.

Он хорош: знает, как глубоко нужно всасывать, насколько сильно кусать, как нежно целовать, и, хотя член в его штанах уже затвердел, он делает это так, будто может продолжать ласкать мою грудь всю ночь.

Я ощущаю его эрекцию и шарю рукой, пытаюсь сдвинуть юбку в сторону, чтобы почувствовать его по-настоящему. Проклятье, как же мне хочется ее снять, чтобы его обнаженное тело прикоснулось к моему. Хочу его в себе.

Хочу его всего.

Я пытаюсь нащупать низ его футболки. Он нисколько не помогает, потому что целиком сосредоточен на моей груди. Я нахожу край и тяну его изо всех сил. Прилипшая ко мне футболка поддается, и холодный воздух внутри авто заставляет мои соски затвердеть еще сильнее.

– Больше не хочу прелюдий, – говорю я, стягивая его футболку через голову.

О боже, какие мускулы. Много-много плотных, гладких, рельефных мышц скользит под моими ладонями. Да, спортсменов стоит любить.

Его руки ныряют под мою юбку.

– Так?

Нет ничего изящного в том, как его пальцы быстро сдвигают в сторону мои стринги и без предупреждения входят в меня. Это грязно, но так возбуждает. Я шумно выдыхаю.

– Нравится? – шепчет он.

– Неплохо, – лгу я, и Такер немедленно наказывает меня, вынимая пальцы. – Хорошо. Очень хорошо.

Он снова вводит, а затем вынимает увлажненные пальцы, чтобы слегка поласкать клитор. Все мое тело напрягается и сжимается, жажда большего.

– Просто хорошо, да? – издевается он.

Я сдаюсь.

– Великолепно. Это великолепно.

– Я знаю. – Он выглядит самодовольным. – Не хочу говорить тебе это, Сабрина. Но ты сделала большую ошибку.

– Что? Почему?

Его пальцы водят по моим натянутым стрингам, и полоска врезается в набухшие губы.

– Потому что я стану лучшим из всех твоих парней и заранее прошу у тебя прощения.

Затем он сдвигает трусики в сторону и вставляет теперь уже три пальца. Делает это открыто и грубо, повергая меня в шок. Я чувствую его... повсюду всем своим существом, с головы до кончиков пальцев. На меня обрушивается новая волна возбуждения. Матерь божья, он доведет меня до оргазма. Это вообще возможно?

Я смотрю на него с открытым ртом, а он ухмыляется в ответ – белые зубы выделяются на фоне загорелой кожи и бороды – и вполне осознает, что сводит меня с ума. Его пальцы не останавливаются, два из них нащупывают точку, которую едва ли кто-то, кроме меня самой, может найти.

Он продолжает массировать ее, пока пальцы продолжают входить в меня. И я чувствую приближение разрядки. Закрыв глаза, откидываю голову и отдаюсь нарастающему удовольствию, пока не превращаюсь в одну содрогающуюся чувственную массу.

Когда опускаюсь с небес на землю, я обнаруживаю себя лежащей и задыхающейся у него на груди. В жизни никогда не испытывала такого сильного оргазма, а этот парень еще даже не был во мне. Мое сердце стучит безумно быстро, и вялый ум с трудом поспевает за ним.

Он просто парень. Обычный парень, напоминаю я себе. Один член, два яйца. Ничего особенного.

– У меня давно не было секса, – бормочу я, пытаюсь выровнять дыхание. – Плюс сильный стресс. Нужно было расслабиться.

Три длинных пальца, все еще находящихся внутри меня, сгибаются.

– Можешь убеждать себя в чем угодно, дорогая.

В его голосе чувствуется самодовольство, но этот парень только что рукой довел меня до оргазма, чего со мной никогда не случалось, так что, полагаю, нельзя его в этом винить. Он проводит подушечками пальцев вдоль каких-то чувствительных нервных окончаний, заставляя меня снова непроизвольно содрогнуться.

Затем он поднимает руку – даже в темной кабине машины видно, как влага блестит на его пальцах. Я не готова к новой волне возбуждения, но она накрывает меня, когда Такер облизывает их.

Я судорожно вздыхаю.

Один быстрый рывок рычага, и его сиденье принимает горизонтальное положение. Такер ложится и снова манит меня.

– Иди сюда, садись на лицо. Хочу еще.

Боже. *Кто* этот парень?

Может, мне не стоит задира́ть юбку до талии и карабкаться вперед, но я делаю это. Он как будто зачаровал меня, и я не в силах послушаться.

– Приготовься, – хрипит он, – потому что я собираюсь заставить тебя снова кончить.

– Ты чертовски самоуверен.

– Нет. Я просто уверен в себе, как и ты. А теперь дай мне эту сладкую киску и оседлай мой язык.

Бог мой. Секс с Такером грязнее и горячее, чем я ожидала. Внешне он не казался таким, хотя... разве не про таких говорится «в тихом омуте»?

Мне это нравится, и очень.

Горячее дыхание обжигает кожу, когда я опускаюсь на его лицо.

– Мать твою, да! – Это последнее, что он говорит, прежде чем прижаться ко мне губами.

Такер делает это не только языком. Он использует губы и зубы, чтобы воздействовать на мой сверхчувствительный клитор. Одной рукой он сжимает мое бедро, палец другой вставляет в меня. А языком... Он лижет меня длинными, размашистыми движениями, а я вскрикиваю и пытаюсь заглушать звуки, прикусывая собственное запястье. Затем он раздвигает меня двумя пальцами и держит, пока язык усердно работает внутри.

Он прав: мне действительно нужно было подготовиться. Я сжимаю сиденье по краям и улетаю. Он подводит меня прямо к краю обрыва и сбрасывает вниз.

Пока я содрогаюсь от второго оргазма за ночь, Такер пересаживает меня на колени. Его член уже каким-то образом оказывается на свободе, так что я тянусь и хватаю его.

– Стой, – рывкает он, но уже поздно.

Я закусываю нижнюю губу, когда широкая головка медленно проникает в меня. Жадно давлю всем телом вниз, желая ощутить его внутри. Его руки находят мои бедра, и к горлу подступает удовлетворенный стон, но вместо этого я вскрикиваю в тревоге, когда он спихивает меня в сторону.

– Презерватив, – мрачно говорит Такер.

Я с удивлением смотрю вниз и зажимаю рот рукой. Никогда не допускала подобной ошибки, никогда.

– Прости. Я не думала...

Он роется в джинсах, находит бумажник и бросает его мне.

– Не страшно, это был только кончик.

Его лукавое подмигивание заставляет меня нервно рассмеяться. Я надкусываю фольгу, открываю и натягиваю резинку на его член.

– Я чиста, – чувствую себя обязанной сказать ему это, – проходила обследования после... – замолкаю, чувствуя, что говорить о предыдущих встречах, когда я обнажена и готова насадиться на другой член, неправильно. – Ну, после этого. И я на таблетках.

– Со мной тоже все в порядке, – говорит он.

Он закрывает глаза на секунду, когда я раскатываю презерватив вниз по толстой горячей плоти. Низкий стон срывается с его губ, а потом он отбрасывает в сторону мою руку, чтобы самому взяться за него.

– Готова? – спрашивает Такер, располагая головку у входа.

Не знаю, киваю ли я, жалобно протягиваю или умоляю, но звук, срывающийся с моих губ, наверное, можно расценить как согласие, потому что затем он одним быстрым движением проталкивает член вверх, пока я не насаживаюсь до конца.

– Черт, ты такая тугая, – шипит он сквозь стиснутые зубы.

– А ты чертовски большой, – хриплю я, извиваясь на нем сверху.

Он хватается мои бедра, чтобы удержать, и входит неглубокими рывками.

– Не двигайся.

– Не могу. – Фрикции так приятны. Если до этого мне казалось, что его пальцы и язык творят чудеса, то теперь я знаю, что его член просто сверхъестественен. Я чувствую его *везде*.

Упираюсь коленями в кожаное сиденье и опускаю руки ему на грудь, ощущая под своими ладонями гибкие мускулы. Скольжу взглядом по его животу с кубиками пресса, светлым волоскам на груди и тонкой линии, ведущей прямо в рай.

На него так же приятно смотреть, как и чувствовать в себе. Интересно попробовать его на вкус, но время для этого придет позже. Прямо сейчас я хочу, чтобы он трахал меня до тех пор, пока мое беспокойство насчет Гарварда, денег и домашней жизни не выветрится из меня окончательно. Хочу забыться, и он идеально для этого подходит.

Я падаю на него. На его лице появляется звериное выражение, а огромная ладонь сжимает мою задницу. Он поднимает и опускает меня, найдя где-то точку опоры и, хотя сверху сейчас я, полностью контролирует ситуацию. Это именно то, что мне нужно.

Он сжимает зубы, и я чувствую крепкую хватку его пальцев на заднице каждый раз, когда он насаживает меня на себя, в то время как сам приподнимается вверх. Я сильнее прижимаюсь к нему бедрами и полностью доверяюсь ему, позволяя доводить себя до беспамятства.

– Иди ко мне, – бормочет он, – возьми что хочешь.

Его член внутри меня пульсирует, а пальцы находят мой клитор, поглаживая и дразня его, пока я не подсакиваю словно ракета, сотрясаясь так сильно, что с трудом могу удержаться на нем.

Такер приподнимается, прижимая меня к своей груди, и входит в меня так сильно, что я вынуждена упереться дрожащими руками в крышу машины, чтобы не пробить ее головой.

Он вонзается в меня снова и снова, пока внезапно не превращается в дрожащую, бездумную массу, едва способную контролировать себя, и откидывается назад на сиденье, увлекая меня за собой.

Я позволяю себе несколько эгоистичных минут, чтобы отдышаться, нежась на этой широкой груди подо мной. Дрожь сменяется удовлетворением. Часть меня хочет продлить этот момент до бесконечности, свернуться на коленях этого парня, пока его ладонь успокаивающе скользит вверх-вниз по моей спине.

– Ты точно не хочешь поехать ко мне? – спрашивает он.

В какой-то момент я чуть было не отвечаю «да». «Да» возвращению к нему домой. «Да» еще одному раунду секса, завтраку утром, прогулу работы и целому дню, проведенному с ним. Это желание удивляет и пугает меня.

Я глубоко вздыхаю и собираю остатки своего хладнокровия, которое он разбил на крошечные кусочки.

– Нет. Мне нужно домой.

Только секс.

Верно. Это просто секс. Джон Такер хорош в постели, настолько хорош, что заслуживает трофея. Но он не лучше того, что у меня было раньше: так кажется из-за стресса, которому я постоянно подвергаюсь. Или, даже если только что был лучший секс в моей жизни, это ничего не значит, кроме еще одного аргумента в пользу того, что *атлеты – хорошие и выносливые любовники*, чьи пальцы и язык владеют мастерством мирового класса, а член способен служить моделью для игрушек в секс-шопе.

Поворачиваюсь за юбкой и курткой и быстро накидываю их, не заботясь о том, не наизнанку ли они надеты. Мне нужно перебраться из этого грузовичка в свою машину.

– Готово, – объявляю я. – Моя машина всего в паре кварталов отсюда.

Его симпатичные черты смягчаются.

– Ты выглядишь немного растрепанной.

Оборачиваясь, я вижу на его лице лишь искреннее беспокойство.

– Со мной все в порядке, – заверяю я его.

Такер садится и снимает презерватив, завязывает его и кидает в кучу бумажных платков. Несколько секунд он крутит свои ключи, затем заводит грузовик.

– Куда?

Я позволяю себе расслабленный вздох.

– На улице Форест. У большого викторианского особняка.

– Понял.

Мы едем эту пару кварталов молча. Едва я замечаю свою машину, как становится трудно сопротивляться порыву сбежать. Я открываю дверь раньше, чем грузовик останавливается.

– Увидимся, – беспечно говорю я.

– Я провожу тебя до машины.

Он приподнимает бедра, чтобы натянуть джинсы, и я обращаю внимание, что он все еще полуобнажен. Стараюсь не смотреть, как он прячет уже не такой твердый член. Он легко мог бы зайти на второй круг.

Мое тело молит о продолжении, но я игнорирую сигналы, выбираясь из грузовика. Такер присоединяется ко мне – футболка снова на нем, джинсы болтаются на узких бедрах, ширинка расстегнута. Ботинки тоже на нем.

Я издаю истерический смешок. Он так чудесно трахал меня, даже не сняв ботинок?

– Может, проводить тебя до дома? – предлагает он.

– Я сказала тебе, что живу в Бостоне.

Он пожимает плечами.

– И что? Дороги дерьмовые, и я хочу убедиться, что ты доедешь нормально.

– Нормально доеду. Я это делала уже дюжину раз.

– Ну, тогда пошли мне смс, когда доберешься до дома.

– Никаких номеров телефонов, – напоминаю я ему, чувствуя странную панику.

– Или смс, или я еду за тобой. – В его голосе чувствуется решимость.

Похоже, я переспала с последним джентльменом на планете.

– Хорошо. – Я вытаскиваю свой телефон из кармана куртки. – Но ты убиваешь во мне все хорошие чувства к себе.

Его светло-карие глаза блестят в темноте.

– Какая разница, ты ведь не собиралась повторять?

У него, черт возьми, готовы ответы на все вопросы.

– Тебе нужно работать юристом, – бормочу я. – Диктуй.

Он называет номер, я вбиваю его, потом открываю машину и буквально падаю на сиденье водителя. Слава богу, мотор моей иногда ненадежной «хонды» заводится мгновенно.

Я припускаю окно на дюйм и спешно шепчу:

– Спокойной ночи, Такер.

Он отвечает быстрым кивком. Почти квартал я наблюдаю его в зеркале заднего вида – одинокую фигуру, залитую лунным светом, – пока не заставляю себя отвернуться. Вперед – вот куда я должна смотреть.

Поездка домой проходит как в тумане, поскольку в голове я прокручиваю самые жаркие сцены. Глупые мысли.

Но... секс был *так* хорош. Разве плохо будет увидеться с ним снова?

Я паркуюсь на потрескавшемся асфальте под навесом позади дома и с минуту просто сижу. Затем провожу рукой по сбившимся во время секса волосам и тянусь за телефоном.

Я: *На месте».*

Ответ приходит сразу.

Он: *Хорошо. Рад это слышать. Не стесняйся использовать этот номер снова».*

Хочу ли я использовать его... снова? Соблазнительное предложение. С Джоном Такером так же горячо, как в аду, а трахается он как бог, делая это настолько неторопливо, словно в его жизни вообще нет поводов для беспокойства. Он не задавал неудобных вопросов и, кажется, не требовал от меня больше, чем я могла предложить. Такие парни встречаются не часто.

Я: *Учиту.*

Он: *Учти, дорогуша.*

Я прикасаюсь большим пальцем к губам, вспоминая, как было хорошо, когда он целовал меня. И, может быть, я *действительно* использую этот номер снова.

Как только выхожу из машины, на меня тут же накатывает усталость. Нужно поспать, НЕМЕДЛЕННО. Завтрашний день будет таким же долгим и утомительным, как сегодняшний, так что не могу сказать, чтобы я ждала этого с нетерпением.

Открывая дверь, замечаю, что бабушка сидит там же, где и до моего ухода. Подозреваю, что единственный раз примерно за четыре часа моего отсутствия она пошевелилась, лишь чтобы сходить в туалет – об этом говорит пустая двухлитровая бутылка из-под кока-колы, стоящая на столе. Перед моим отъездом бутылка была полной. Правда, теперь перед бабушкой уже лежит другой журнал. Думаю, это *Enquirer*.

Она окидывает меня взглядом и, вероятно, замечает растрепанный вид.

– Мне казалось, ты была на коктейльной вечеринке. – Она ухмыляется. – Выглядишь так, будто ты была в меню.

Мое лицо обдаёт жаром. Да, ничто так не ставит на место, как слова бабушки.

Я игнорирую издевку и направляюсь к двери.

– Спокойной ночи, – бормочу я.

– Доброй ночи, – отвечает она, и ее смех провожает меня до спальни.

Я запираю дверь на замок, достаю телефон, нахожу имя Такера и какое-то время просто пялюсь в экран. Меня подмывает написать ему что-нибудь, что угодно.

Вместо этого я захожу в меню и нажимаю «ЗАБЛОКИРОВАТЬ».

Потому что независимо от того, насколько он сексуален и сколько оргазмов смог из меня извлечь, в моей жизни нет места для встречи с ним.

4

Такер

Звук рычащего мотора выдергивает меня из сна. Снаружи все еще темно, но я вижу тонкий лучик света на горизонте, светлую полоску на черном фоне. Дергаю рычаг сиденья, чтобы спинка приняла вертикальное положение, как раз вовремя, потому что вижу, как маленькая «хонда цивик» вырывается с подъездной дорожки у дома Сабрины.

Затуманенным взглядом проверяю время на панели. Четыре утра. Когда ее машина проезжает мимо, я мельком вижу темные волосы и, прежде чем осознаю, что делаю, пристраиваюсь следом.

Прошлой ночью я поехал за ней, потому что на дорогах был гололед. Я беспокоился за нее и не был уверен, что она напишет. После того как кончила прошлой ночью, Сабрина полностью закрылась. Было похоже, что близкие знакомства вызывают у нее дискомфорт. У меня возникло ощущение, что я мог бы сказать ей любую грязную вещь, какую только захотел бы, и она восприняла бы это совершенно спокойно, но одно нежное, заботливое слово, и она бросилась бы наутек.

Черт, она едва не выпрыгнула из моего грузовика, спеша убраться. Впрочем, я не принял это на свой счет.

Я вытянулся на сиденье. Очень давно не спал в грузовике, и мое тело напомнило мне, почему. Но выбор был: либо немного вздремнуть в машине, либо ехать домой по скользким дорогам – и я его сделал.

Машина Сабрины мигом проскакивает на желтый свет, а потом резко поворачивает налево. Когда мне удастся нагнать «хонду», она паркуется на место для сотрудников у почты южного Бостона. Секундой позже она выходит из машины в рабочей форме с длинными волосами, забранными в хвост.

Я невольно улыбаюсь. Чертовски горячая, яркая, как солнце, еще и трудоголик. Проклятье. Моей маме понравится эта девушка.

Я еду обратно, в Гастингс, с дурацкой улыбкой на лице, а затем падаю в постель, чтобы поспать три жалких часа. Затем заскакиваю обратно в машину и еду в кампус, чтобы встретиться со своей учебной группой, потому что завтра у нас большой маркетинговый тест. Хотя я не уверен, что эта зубрежка в девять утра даст какие-то результаты в моем состоянии. Две чашки кофе помогают немного проснуться, и к одиннадцати я уже чувствую себя намного бодрее.

Вместо того чтобы сразу же отправиться домой, я беру третью чашку кофе и достаю телефон. Пора провести небольшое расследование, и лучше сделать это в кофейне, чем дома, где шумные соседи по комнате станут задавать вопросы.

Я знаю, что у Сабрины есть общие курсы с Дином, но ему не очень-то можно доверять, когда дело касается девушек, так что я выбираю другого знакомого политолога, Шину Дрейк. Она хоть и бывшая, но моя хорошая подруга. На самом деле не могу припомнить ни одной бывшей, которая не осталась бы мне подругой.

Я: *Что ты знаешь о Сабрине Джеймс?*

Шина отвечает сразу, а это значит, что она либо не очень хорошо погуляла на вчерашней вечеринке, либо погуляла так, что еще не легла в постель.

Она: *Фу. Ненавижу ее.*

Я хмурюсь, глядя в экран.

Я: *Почему?*

Она: *Она круче меня. Сучка.*

Мое громкое фырканье привлекает внимание троих студентов, сидящих за соседним столиком. Приходит еще одно сообщение от Шины.

Она: *Но она круче ВСЕХ. Так что, полагаю, мне не на что жаловаться. Почему спрашиваешь?*

Я: *Столкнулся с ней вчера. Выглядит симпатично.*

Она: *Не знаю. Была с ней на двух уроках, она не так уж разговорчива. Хотя очень умная. Говорят, она встречается только со спортсменами.*

Я потягиваю кофе, обдумывая это. Полагаю, это имеет смысл, учитывая, что она переспала со мной прошлой ночью. Телефон вибрирует – еще одно сообщение от Шины.

Запал на нее?

Если брать в расчет, что вчера я имел ее языком, губами, пальцами и членом, думаю, это уже пройденный этап. Но я просто пишу: *Может быть.*

Она: *Ух ты! Расскажи мне все!*

Я: *Нечего рассказывать. Будешь завтра на экономике?*

Она: *Ага.*

Я: *Целую. Спасибо, детка.*

Она: <3

Прокручиваю свой список контактов в поисках кого-либо еще, кто может знать Сабрину, но нахожу лишь одного человека. Дьявол, наверное, это тот, с кем стоило поговорить первым.

Проглатываю остаток кофе и иду к двери, набирая короткое сообщение. Ответа нет, но, вместо того чтобы ждать, посылаю еще одно сообщение, на этот раз Элли Джанковитцу, соседу по комнате того парня, которого я пытаюсь найти.

Я: *Ты с Бо?*

Он: *Нет.*

Я: *Знаешь, где он?*

Он: *В спортзале.*

Ну, это было просто.

Я оставляю машину на студенческой парковке и решаю пройти пешком, поскольку футбольный стадион лишь в паре шагов от кофейни. Моя карта хоккеиста Брайара не дает пропуска в тренировочный комплекс, но, к счастью, я подхожу к двери одновременно с второкурсником-форвардом, который пропускает меня вперед.

Я нахожу Бо Максвелла в качалке работающим над руками и грудными мышцами. Бо – любимый защитник Брайара и, насколько мне известно, последний парень, который хоть на какое-то время заполучил внимание Сабрины.

Он мой друг и ближе к Дину, чем любой из нас, и все же пусть лучше он узнает, что я увиваюсь за Сабриной, от меня, чем от каких-нибудь сплетников. Спортсмены так же, как и все остальные, проводят время, болтая о подружках, свиданиях и о том, кто с кем спит.

– Максвелл, – зову я, пересекая комнату, пропахшую запахом пота и хлорки, – есть минута?

Бо не отворачивается от зеркала.

– Конечно. Буду делать жимы через секунду, можешь меня поддержать.

– План? – Я сажусь на скамейку рядом и мысленно считаю его жимы. На десятом он бросает пятидесятифунтовую штангу и поворачивается ко мне.

– Занимаюсь с легким весом, делаю двойной подход, – говорит он, видимо, чувствуя необходимость объяснить, почему взял не самую тяжелую штангу.

– А тебе вообще нужно качаться? – Я не знаю ничего о позиции защитника, но мне кажется, что лишние мышцы могут повлиять на бросок.

– Только легкий вес, – повторяет он.

Когда он ложится и тянется к штанге, я перемещаюсь к верхней части скамейки. С таким весом он вряд ли может травмироваться, так что моя поддержка едва ли требуется. Зато будет чем заняться, пока мы разговариваем.

– Я слышал, ты встречался с Сабриной Джеймс этой осенью, – неловко начинаю я. – Все еще вздыхаешь по ней?

Бо запрокидывает голову, чтобы видеть меня. В этих живых голубых глазах, уверен, потерялась или мечтала потеряться половина девиц в Брайаре.

– Не, никаких чувств, – наконец отвечает он. – А что, хочешь ей присунуть?

Уже присунул, приятель. Но я повторяю то, что сказал Шине:

– Может быть.

– Понял. Ну, если тебе нужно что-то больше, чем просто переспать, то она не та девушка.

– Да?

– О да. Серьезно, Так, она закрыта крепче, чем моллюск. У нее нет времени. – Бо морщит лоб. – То ли четыре, то ли пять работ, и ты должен втиснуться в это расписание. Как врач по вызову.

– Звучит интересно.

Он заканчивает подход молча. Когда завершает, распрямляется и садится, а я протягиваю ему бутылку воды, которую нашел рядом со скамьей.

– Еще помощь нужна?

– Не, я закончил.

– Тогда увидимся. – Я делаю шаг, затем снова оглядываюсь на него. – Сделай одолжение, сохрани этот разговор между нами, окей?

Он кивает.

– Понял.

Уже у выхода Бо окликает меня.

– Эй, а что если бы я сказал, что все еще заинтересован?

Я разворачиваюсь, чтобы встретиться с ним взглядом.

– Это было бы печально.

Он смеется.

– Так и думал. Что ж, тем лучше для тебя, чувак, но предупреждаю... есть и более доступные женщины, чем Сабрина.

– Зачем мне доступная? – улыбаюсь я. – Это так скучно.

5

Сабрина

У меня один из тех самых дней. Дней, когда жизнь похожа на мультфильм, где я – Скороход, ускоряющийся от одного места к другому без единого шанса сесть и передохнуть.

Технически я много сижу на утренних уроках, но это совсем не расслабляет, потому что мы готовимся к экзамену по конституционному праву, который завершает весь мой курс, а я по глупости выбрала одну из самых сложных тем: различия правовых норм, применяемых для изучения конституционного права.

Завтрак состоит из сырного круассана, который я ем по дороге от «Передовых политических теорий» к «СМИ в правительстве». Но мне даже не удастся доесть его, потому что в спешке я забредаю на мощеную булыжником дорожку, петляющую по территории кампуса, и в конечном итоге роняю круассан в лужу.

На лекции о СМИ мой желудок сердито урчит, и звук становится все громче и злее, когда я встречаюсь со своим куратором, чтобы обсудить финансы. Этим утром в моей почте не было никаких писем о приеме, но я должна верить, что попала как минимум в *одну* из программ, куда подавала заявление. Даже школа второго уровня влетит в копеечку, а это значит, что мне нужна стипендия. Если я не попаду в лучшую юридическую школу, не будет предложения о

работе в ведущей юридической фирме и соответствующей зарплате, а это провал, бесконечные долги и полнейшая деморализация.

После встречи у меня еще один урок в классе «Теории игры». Его ведет ассистент преподавателя, тощий парень с прической а-ля Альберт Эйнштейн и раздражающей, пафосной привычкой включать **ОЧЕНЬ ВАЖНЫЕ СЛОВА** в каждое предложение, которое он произносит.

Я – эрудированный человек, но каждый раз, слушая этого парня, тайно, под столом подсматриваю значения слов в словаре на телефоне. Людям нет никакой необходимости говорить «рачительный», когда они могут просто сказать «бережливый»... если, конечно, они не полные придурки. Стив считает себя большой шишкой. Хотя, говорят, он все еще ассистент преподавателя, потому что дважды не сумел защитить свою диссертацию и теперь нигде не может получить место доцента.

Как только собрание заканчивается, я сую свой ноут и записную книжку в сумку и направляюсь к двери.

Я так голодна, что кружится голова. К счастью, в холле можно купить сэндвич. Я вылетаю из двери, но замираю, когда меня приветствует знакомое лицо.

Сердце подсакивает, и я вдруг начинаю краснеть. Последнюю пару дней я провела, заставляя себя не думать об этом парне, и вот он стоит тут.

Я жадно пожираю его взглядом. Он снова в черной хоккейной куртке. Каштановые волосы растрепаны от ветра, щеки красные, словно он только что с холода. Вылинявшие синие джинсы скрывают невероятно длинные ноги, а руки спрятаны в карманы.

– Такер, – пишу я.

Его губы изгибаются.

– Сабрина.

– Ч-что ты тут делаешь? – О боже, я заикаюсь. Да что со мной не так?

Кто-то толкает меня в спину, и я спешно делаю шаг в сторону от дверей, чтобы выпустить других студентов. Не могу найти слов, но точно знаю, что хочу *сделать*: броситься на этого парня, обхватить руками за шею, ногами – за талию и впиться в него своими губами.

Но я не делаю этого.

– Ты игноришь мои эсэмэски, – прямо говорит он.

Чувство вины комом встает в горле. Я не игнорирую его сообщения: просто не получаю их, потому что заблокировала его номер.

И все же мое сердце делает еще один глупый кульбит, когда я понимаю, что он *писал*. Внезапно мне хочется узнать, что было в тех эсэмэсках, но я подавляю это желание. Так можно нарваться на неприятности. И вдруг по какой-то неведомой причине сознаюсь:

– Я тебя заблокировала.

Он не выглядит обиженным, только смеется.

– Так и подумал, поэтому выследил тебя.

Я шуюсь.

– И как именно ты это сделал? Как узнал, что я буду тут?

– Спросил своего куратора о твоём расписании.

Моя челюсть едва не падает на пол.

– И она дала его тебе?

– Он. Да, и был счастлив сделать это.

Я чувствую недоверие и возмущение. Что за черт? Факультет просто не может раздавать расписание студентам всем, кто попросит, разве нет? Это нарушение неприкосновенности, частной жизни. Я стискиваю зубы и решаю, что, как только сдам экзамены, моим первым делом будет иск к этому дурацкому колледжу.

– Может, он тебе и мой табель успеваемости дал? – ворчу я.

– Нет. И не беспокойся, я уверен, твое расписание не разлетелось по всему кампусу. Он дал его мне, потому что я играю в хоккей.

– Мне что, от этого должно стать легче? Напоминание о том, что ты – привилегированный придурок, пользующийся особым отношением лишь потому, что катаешься на коньках и выигрываешь кубки?

Я направляюсь прочь бодрым темпом, но он быстро сокращает дистанцию и тут же оказывается рядом.

– Прости. – В его голосе звучит искреннее сожаление. – Если тебе станет легче, я обычно не использую свой статус спортсмена, чтобы получать преимущество. Черт, я мог бы спросить Дина о твоём расписании, но пришел к выводу, что тебе это понравится еще меньше.

Тут он прав. При одной мысли о том, что Такер мог обсуждать меня с Дином Ди Лаурентисом, по коже бегут мурашки.

– Ладно. Ну, ты меня выследил. Чего ты хочешь, Такер? – Я ускоряю шаг.

– Куда спешим, дорогая?

– Жить, – бормочу я.

– Что?

– Я всегда спешу, – поясняю. – У меня двадцать минут на то, чтобы поесть перед следующим уроком.

Мы выходим в холл, где я становлюсь в очередь за сэндвичами, просматривая меню на стене. Прежде чем Такер успевает сказать хоть слово, студент перед нами отходит от прилавка, и я спешно шагаю вперед, чтобы сделать заказ. Когда тянусь в сумку за кошельком, на мою руку опускается рука Такера.

– Я заплачу, – говорит он, доставая двадцатидолларовую купюру из коричневого кожаного бумажника.

Не знаю, почему, но это раздражает меня еще сильнее.

– Сначала выпивка в «Мэлоуне», теперь ланч. Хочешь выпендриться, чтобы я наверняка знала, что у тебя есть лишние деньги?

В его глубоких карих глазах мелькает обида.

Твою ж мать, я сама не знаю, почему отталкиваю его. Он стоит тут, признаваясь, что просил об одолжении, чтобы найти меня, и желая оплатить мой обед...

Это должно было стать встречей на одну ночь, а теперь он передо мной, и мне это не нравится.

Нет, неправда. Мне *очень нравится* видеть его перед собой. Он так сексуален и так хорошо пахнет, сандаловым деревом и цитрусом, что мне хочется зарыться лицом в его сильную шею и вдохнуть его запах, пока не опьянею.

Но для этого нет времени. Время – несуществующий концепт в моей жизни, а Джон Такер – очень большой отвлекающий фактор.

– Я плачу за твой обед, потому что так меня воспитала мама, – спокойно говорит он. – Называй меня старомодным, если хочешь, но это моя привычка.

Я снова испытываю чувство вины.

– Извини, – мой голос слегка дрожит. – Спасибо за ланч. Я очень признательна.

Мы двигаемся в другой конец прилавка, молча ожидая, пока кудрявая девушка готовится мой сэндвич с ветчиной и швейцарским сыром. Она заворачивает его, и я сую его в подмышку, одновременно открывая диетическую колу, которую заказала. Затем мы снова идем. Такер следует за мной до двери, с любопытством наблюдая, как я пытаюсь одновременно открыть колу, поправить сумку и развернуть свой бутерброд.

– Давай подержу, – он забирает из моей руки бутылку, с нежностью глядя, как я впиваюсь в поджаренный ржаной хлеб.

Не успеваю я прожевать один кусок, как откусываю снова, и это заставляет его рассмеяться.

– Голодная? – поддразнивает он.

– Умираю от голода, – признаюсь я, не заботясь о том, что говорить с набитым ртом – невежливо.

Я быстро спускаюсь по широким ступеням, но Такер не отстает.

– Не стоит есть на ходу, – советует он.

– Нет времени. Следующий урок аж в другой стороне кампуса, так что... Эй! – вскрикиваю я, когда он берет меня за руку и стягивает с дорожки. – Что ты делаешь?

Игнорируя мои протесты, он ведет меня к одной из кованых скамеек на лужайке. Снег этой зимой еще не шел, но трава покрыта серебристым слоем инея. Такер заставляет меня сесть, затем садится рядом и кладет одну руку мне на колено, будто боится, что я могу сорваться с места. О чем я действительно подумывала до того, как ко мне прикоснулась эта большая рука? Ее жар опалил меня сквозь колготки и согрел сердце.

– Ешь, – говорит он мягко. – Ты позволила себе две минуты на дозаправку, дорогая.

Я понимаю, что подчиняюсь тем же непостижимым образом, что подчинялась вчера, когда он велел мне оседлать его лицо или когда приказал кончить. Дрожь пробегает по спине вдоль позвоночника. Боже, почему я не могу выбросить этого парня из головы?

– Что ты мне писал? – выпаливаю я.

Он загадочно улыбается.

– Полагаю, ты никогда не узнаешь.

Я невольно улыбаюсь в ответ.

– Это было что-то сексуальное?

Он невинно посвистывает.

– Было! – восклицаю я и начинаю казнить себя, потому что, черт возьми, он наверняка писал что-то грязное, соблазнительное и чудесное.

– Слушай, я не займу много твоего времени, – говорит он. – Знаю, что ты занята, что каждый день едешь сюда из Бостона, что у тебя несколько работ...

– Две, – поправляю я и вызывающе вскидываю голову. – Откуда ты это знаешь?

Он пожимает плечами.

– Наводил справки.

Наводил справки? Дерьмо. Как бы это ни льстило, мне страшно представить, кого он спрашивал и что ему говорили. Если не считать Хоуп и Карин, я не так уж много времени провожу с однокурсниками и знаю, что временами выгляжу замкнутой...

Ладно, стервой. «Замкнутая» – приличный синоним для слова «стерва». И хотя я не в восторге от того, что мои сокурсники считают меня стервой, я ничего не могу с этим поделать. У меня нет ни времени, ни сил на любезности, а также на кофе после занятий и на то, чтобы притворяться, будто у меня есть что-то общее с богатыми, привилегированными детьми, которых в этом колледже большинство.

– Суть в том, – заканчивает он, – что я все это понял, ладно? Ты завалена работой, и я не прошу тебя носить мою университетскую куртку или мое кольцо или быть моей постоянной девушкой.

Я смеюсь над нарисованной им идеальной картинкой.

– Тогда о чем ты просишь?

– О свидании, – просто отвечает он. – Об одном свидании. Может, все кончится тем, что мы опять переспим... – Мое тело поет от восторга. – А может, и нет. Как бы там ни было, я хочу увидеться с тобой еще раз.

Я смотрю, как он проводит рукой по своим рыжеватым волосам. Проклятье, кто бы мог подумать, что эти узловатые пальцы могут быть такими жаркими?

– Мне неважно, когда. Захочешь перекусить поздно ночью – хорошо. Рано утром – отлично, только если у меня нет тренировки. Я хочу играть по твоим правилам, подстроиться под твоё расписание.

Какое-то время во мне борются желание получить удовольствие и недоверие, но последнее одерживает победу.

– Почему? Знаю, вчера мы удивили друг друга, но почему ты так нацелен снова со мной увидеться?

Я нервно сглатываю, когда он пригвозждает меня к месту спокойным, внимательным взглядом. А потом он пугает меня ещё сильнее, спрашивая:

– Ты веришь в любовь с первого взгляда?

О боже.

Я вскакиваю на ноги.

С глубоким смешком он сажает меня обратно на скамейку.

– Остынь, Сабрина. Я не говорю, что влюбился в тебя.

Лучше бы ему не делать этого! Вдохнув для успокоения, я кладу недоеденный сэндвич на колени и пытаюсь спросить тоном, который не выдал бы до ужаса пугающее чувство, переполняющее меня:

– Тогда что ты хочешь сказать?

– Я видел тебя в кампусе до той ночи в «Мэлоуне» – признается он. – И да, я решил, что ты клевая, но не настолько, чтобы отчаянно пытаться выяснить, кто ты.

– Ну спасибо.

– Ты уж определись, дорогая. Или ты хочешь, чтоб я был влюблен в тебя, или тебе насрать.

Я хочу и то и другое, и в этом, черт возьми, проблема.

– Как бы там ни было, я видел тебя раньше. Но ночью в баре, когда посмотрел тебе в глаза, сидя в другом конце бара, произошло что-то волшебное, – сказал он. – Знаю, ты тоже это почувствовала.

Я поднимаю сэндвич, откусываю маленький кусочек и жую очень медленно, чтобы оттянуть ответ. Он снова пугает меня своим уверенным взглядом и не терпящим возражений тоном. Никогда не встречала парня, который может бросаться фразами вроде «любовь с первого взгляда» или «произошло что-то волшебное», не покраснев или хотя бы не засмутившись.

Наконец я заставляю себя ответить ему.

– Единственное волшебство, которое случилось, состоит в том, что нам понравилось увиденное. Феромоны, Такер. Ничего больше.

– Только отчасти, – соглашается он, – в этом было что-то большее, чем просто феромоны, ты это знаешь. Была связь в тот момент, когда мы взглянули друг на друга.

Я поднимаю к губам свою диетическую колу и выпиваю почти половину.

– Хочу убедиться в этом. Думаю, было бы глупо этого не сделать.

– А я думаю... – ищу слова, – думаю...

Думаю, ты самый очаровательный парень, которого я встречала.

Ты потрясающий в постели, и я хочу заняться с тобой сексом снова.

И еще думаю, если бы мне можно было разбить сердце, ты мог бы это сделать.

– Я вчера ясно выразилась, – наконец говорю я, – что не заинтересована в отношениях и даже в приятеле для траха. Мне нужен был секс. Ты мне его дал. Это все.

От меня не ускользает разочарование, промелькнувшее в его взгляде. С ним приходит боль сожаления, отчего мой живот болезненно скручивает, но я уже выбрала свой путь, и мне нужно смотреть дальше. А я очень хороша, когда дело доходит до того, чтобы придерживаться взятого курса.

– Знаю, что вы, спортсмены, чертовски упрямы и не сдаетесь, если хотите чего-то, и все же... – я перевожу дух, – прошу тебя сдаться.

Он сжимает зубы.

– Сабрина...

– Прошу. – Я добавляю голосу нотку отчаяния. – Просто сдайся, ладно? Я не хочу ничего начинать и идти на свидание. Хочу просто... – Я поднимаюсь, но ноги не держат меня. – Просто пойти на урок, и все.

После бесконечно долгого молчания он тоже встает.

– Конечно, дорогая. Если ты этого хочешь.

Это не насмешка, тут нет даже намек на обещание вроде: *Конечно, дорогая, я сдамся... сейчас. Но буду преследовать тебя до тех пор, пока не измотаю.*

Нет, в его словах звучит твердость, от которой мне становится грустно. Джон Такер – очевидно, человек слова, и хотя стоило бы восхищаться этим, я вдруг понимаю, что лгу себе, потому что это я чувствую разочарование.

– Увидимся, – говорит он хрипло.

А потом без лишних слов уходит, оставив меня в ужасе смотреть ему вслед.

Я *знаю*, что поступила правильно. Даже если бы у меня была куча свободного времени, чтобы проводить его с Такером, в моей жизни нет места таким как он. Он милый и искренний, и, очевидно, у него есть деньги, тогда как я стервозна, измучена и живу в канаве. Он может все что угодно говорить о связи с первого взгляда, но это не изменит реальности.

Я неподходящая девушка для Джона Такера и никогда ею не буду.

6

Такер

Тренировка – дерьмо. Команда просто не сработалась в этом сезоне, и тренер Дженсон безжалостно наседает на нас из-за того, что у нас есть несколько проигрышей, портящих нашу статистику. Вчерашнее поражение тяжело сказалось на нас: команда второго дивизиона не должна была размазывать по льду наши задницы, но тем не менее сделала это.

Из-за нового тренера, Фрэнка О'Ши, все стало только хуже. Я благодарю свою счастливую звезду, что не играю в защите. О'Ши, кажется, объявил вендетту Дину: постоянно выкрикивает его имя и заостряет внимание на его ошибках.

Щеки Дина становятся красными, как помидоры, всякий раз, как О'Ши открывает рот. Если верить Логану, этот человек был ведущим тренером в средней школе Дина. У них, очевидно, есть какое-то общее прошлое, но Дин не делится этим, хотя заметно переживает по этому поводу. О'Ши не только постоянно приказывал ему заниматься сверхурочно, но, очевидно, еще и заставил Дина тренировать детскую команду в начальной школе города.

После замены я подкатываю к скамейке и тяжело прислоняюсь к стене, затем вливаю в рот немного воды и наблюдаю, как Гаррет пересекает синюю линию. Сегодня мы до сих пор еще не открыли счет – настолько все плохо. Мы не можем открыть счет, даже когда играем сами с собой, и это не потому, что наши вратари в отличной форме... Никто из форвардов не может собраться, включая меня.

Звучит свисток. Тренер начинает орать на одного из младших защитников за то, что тот прошляпил шайбу.

– Что это было, Келвин? У тебя была возможность для передачи, а ты решил ее упустить?! – Тренер готов рвать на себе волосы.

Я его не виню.

– Я бы сделал эту передачу, если бы был там, – ворчит рядом Дин.

Я смотрю с сочувствием. Одним из первых распоряжений О’Ши было сменить расстановку игроков. Он поставил Дина в пару с Бродовски, а Логана – с Келвином, тогда как все мы знали, что Логан и Дин в паре несокрушимы.

– Уверен, О’Ши скоро поймет свою ошибку.

– Да, точно. Это наказание. Сукин сын ненавидит меня.

Мое любопытство вновь задето.

– Почему это?

Дин становится мрачнее.

– Не беспокойся об этом.

– Не уверен, знаешь ли ты, – весело говорю я, – но секреты убивают дружбу.

Он ржет.

– Точно хочешь поговорить о секретах? Где, мать твою, ты был все выходные?

Я мгновенно стираю с лица веселое выражение. Я нормально отношусь к тому, чтобы посвящать своих друзей в свои любовные дела, но не хочу обсуждать Сабрину с Дином, особенно когда знаю его мнение о ней. Кроме того, о чем тут, мать его, говорить? Она отшила меня. Я позвал ее на свидание, а она ясно дала понять, что этого никогда не будет.

Если бы был хоть малейший шанс, что она примет мои ухаживания, может, я бы и не согласился с ее ответом. Может, пересекся бы с ней после уроков еще несколько раз, купил бы еще пару сэндвичей, применил бы свой шарм, налегая на южный акцент всякий раз, когда чувствовал бы, что она ускользает.

Но я видел ее взгляд. Сабрина была уверена в том, что сказала: она больше не хочет видеть меня. И хотя я не прочь проявить настойчивость, я не собираюсь бегать за кем-то, кто не заинтересован во мне.

И все-таки это хреново. Когда мы сидели на той скамейке, больше всего на свете я хотел затащить ее к себе на колени и трахнуть прямо там, плевать на прохожих. Сам Дин мог бы стоять там, постукивая по циферблату часов, но я бы не остановился. Мне понадобилась вся сила воли, чтобы подавить животный инстинкт, но, черт, что-то в этой девушке...

Она не просто красотка, хотя это вовсе не мешает. Она... проклятье, я даже не могу выразить это словами. У нее жесткий фасад, но внутри она мягкая как масло. Я вижу проблески ранимости в ее бездонных темных глазах и просто хочу... заботиться о ней.

Парни рассмеялись бы, если бы знали, о чем я сейчас думаю. А может, и нет: они и так каждый день издеваются надо мной из-за моей «заботливости».

Дома я – повар, делаю большую часть уборки и слежу за тем, чтобы техника находилась в рабочем состоянии. Так меня воспитала мама. Отца не было – он умер, когда мне было три года, так что я едва его помню. Но мама всеми силами пыталась сделать так, чтобы я не ощущал его отсутствие, а отца, которого мне все же недоставало, заменили тренеры по хоккею.

Техас – футбольный штат. Я бы, вероятно, пошел по этому пути, если бы в пять лет не побывал на каникулах в Висконсине. Раз в год мы с мамой навещали сестру моего отца в Грин-Бее. Или, по крайней мере, пытались. Иногда на это не было денег, но мы старались изо всех сил.

Во время той поездки тетя Нэнси одела меня и взяла на каток. В Грин-Бее чертовски холодно – полагаю, это ночной кошмар большинства людей, – но мне понравился мороз на щеках и то, как холодный воздух свистит в ушах на открытом катке. Несколько детей постарше устроили игру в хоккей, и я кайфовал, глядя, как они стремительно носятся с шайбой. Эта игра казалась очень веселой. Когда на следующей неделе мы с мамой вернулись в Техас, я объявил, что хочу играть в хоккей. Она снисходительно рассмеялась, но все же нашла круглогодичный каток в часе езды от дома.

Думаю, она считала, что я это перерасту. Вместо этого я влюбился в хоккей еще больше.

И вот я здесь, на Восточном побережье, в колледже Лиги плюща, играю в хоккей за команду, которая выиграла три национальных чемпионата подряд. Но у меня такое чувство, что четвертого раза не будет, судя по тому, какие результаты мы показывали в последнее время.

– Что, забыл, как разговаривать?

Я смотрю через плечо и вижу, что Дин подозрительно разглядывает меня. Что? А, точно, он хочет знать, что я делал в выходные.

– Просто тусовался с друзьями, – неопределенно отвечаю я.

– С какими друзьями? Все твои друзья тут... – Он обводит рукой зал. – И я точно знаю, что ты не был ни с кем из них.

Я пожимаю плечами.

– Ты не знаешь этих ребят.

Затем я снова перевожу взгляд на лед, а Дин рядом ворчит:

– Боже правый, ты хуже Энтони и Марии-Терезы.

Я резко поворачиваю голову обратно.

– Что, прости?

– Забудь, – бормочет он.

Кто, черт возьми, эти Энтони и Мария-Тереза? Точно так же, как Дин знает всех моих друзей, я знаю всех его и уверен, что мы незнакомы ни с кем с такими именами. Но как бы там ни было, я не хочу, чтобы он допытывался, так что не буду докапываться к нему сам.

– Мать вашу, да! – орут с другого конца скамейки.

Я перевожу взгляд на лед как раз вовремя, чтобы увидеть, как Гаррет посылает шайбу мимо Патрика, нашего старшего вратаря. Это первая и единственная забитая шайба в игре, и все парни на скамейке восторженно колотят перчатками по стене.

Тренер дает свисток и отпускает нас, так что мы заканчиваем тренировку на хорошей ноте. Или вроде того. Защитников опять просят задержаться, и я читаю разочарование во взглядах Дина и Логана. О'Ши должен блеснуть, если хочет завоевать расположение этой команды.

В раздевалке я стягиваю свой потный свитер и защиту, скидываю штаны прямо на блестящий пол. У нас не зал, а произведение искусства. Огромная раздевалка, шкафчики, обитые мягкой кожей, и первоклассная система вентиляции. Тут лишь *слегка* пахнет старыми носками.

Гаррет встает рядом и стягивает с себя шлем. Его темные волосы намочили от пота и липнут ко лбу. Он поднимает руку, чтобы зачесать их назад, и я вижу крутую татуировку в виде языков пламени на его бицепсах. При взгляде на нее я каждый раз думаю, что мне тоже нужно тату, но потом вспоминаю уродство на ноге Холли, которое он получил после победы на первом чемпионате. Прошло три года, а он до сих пор носит длинные носки, чтобы скрывать его.

– Думаешь, мы когда-нибудь вспомним опять, как играют в хоккей? – криво усмехается Гаррет.

Я фыркаю.

– Сезон только начался. Все будет нормально.

Он не выглядит уверенным, как и Хантер Девенпорт, который подходит с унылым видом.

– Мы играем все хуже и хуже, – рычит первокурсник так, как рычат обычно восемнадцатилетки, а потом швыряет перчатку в стену.

Я быстро оглядываюсь и вздыхаю с облегчением, не увидев тренера. Он бы срал кирпичами, если бы узнал, что один из нас истерит в раздевалке.

– Расслабься, малыш, – говорит Хантеру юниор Майк Холлис. Он стоит с голым торсом и снимает штаны. – Кому какое дело, если мы проигрываем на тренировке?

– Дело не в тренировке, – огрызается Хантер. – Дело в том, что мы – отстой.

Холлис склоняет голову.

– Ты трахался прошлой ночью, ведь так?

Темноволосый первокурсник хмурится.

– А это тут при чем?

– При том. Мы опозорились в этой игре, нам надрали задницу, но телочки все еще выстраиваются в очередь, чтоб пососать твою шишку. Неважно, выигрываем мы или проигрываем: мы по-прежнему хоккеисты и рулим этой школой, приятель.

– Слова человека без амбиций, – говорит Гаррет, скривив губы.

Холлис пожимает плечами.

– Слушай, не все тут нацелены стать профи, как ты. Некоторые счастливы делать это просто ради телок.

Тяжелый вздох раздается с другого конца длинной скамейки, стоящей перед нашими шкафчиками. Колин «Фитци» Фитцджеральд, огромный юниор с растрепанными волосами и татушками числом больше, чем у байкера, подходит и дает Холлису поджопник.

– Ты хоть когда-нибудь *не* говоришь о телках? – спрашивает Фитци.

– С чего бы мне говорить о чем-то другом? Телки – это круто.

Тут он прав. К сожалению, у меня не будет никаких крутых телок по меньшей мере... хм, месяц? Два? Не знаю, сколько времени понадобится моему члену, чтобы забыть Сабрину Джеймс. Если пересплю с кем-то сейчас, то буду сравнивать ее с Сабриной, а это неправильно.

– Кстати, – вдруг говорит Холлис, – раз уж речь зашла о телках...

Гаррет закатывает глаза.

– Я собираюсь в Бостон на эти выходные, – продолжает Холлис, – завалюсь к брату. Хотите со мной? Пробежимся по барам, ночным клубам, склеим крутых телок и хорошо проведем время.

Капитан команды хмурится.

– У нас игра в субботу.

Холлис машет рукой.

– Мы вернемся вовремя.

– Хорошо бы, – Гаррет пожимает плечами. – В любом случае я не смогу выбраться: у нас с девушкой планы на выходные. – Прежде чем он разворачивается к душевой, я замечаю на его лице отсутствующее выражение, смесь задумчивости и чистого блаженства.

Я с трудом подавляю зависть. Гаррет с Ханной вместе уже год, и кажется, что огонь этой новой любви никогда не потухнет. Он настолько влюблен в свою девушку, что даже противно. То же относится и к Логану, который недавно сошелся со своей подружкой Грейс и успел воспеть свою любовь к ней по радио.

Это как-то... неправильно. Выходит, два лучших игрока уже остепенились, хотя из всех именно я был тем парнем, который больше других хотел отношений и обязательств. Когда впервые приехал в Брайар, я решил, что встречу женщину своей мечты – *ту самую*, – пока буду осваиваться на первом курсе, повстречаюсь с ней четыре года и сделаю предложение по окончании школы. Но все вышло не так. У меня была куча девушек, со многими я спал, но ни одна из них не была *той самой*, тогда как Гаррет и Логан нашли возлюбленных, даже не прилагая усилий. Удачливые сукины сыны.

– Так что? – подначивает Холлис. – Бостон. Холостяцкие выходные. Ты с нами?

Мой первый порыв – сказать «нет», но разум цепляется за слово «*Бостон*». Сабрина сказала, что не хочет видеть меня снова, но... неужели она действительно велит мне убраться, если мы вдруг столкнемся в городе? Она живет там, и так уж получилось, что я знаю ее адрес, так что... кто знает, верно? Может быть, турне по забегаловкам приведет нас с парнями в какой-нибудь замечательный бар в ее районе. Или мы случайно налетим друг на друга. А может...

Может, ты начинаешь преследовать ее?

Я подавляю вздох. Ладно, мой разум действительно забрел на опасную территорию. Но, даже зная это, я не могу удержаться:

– Конечно, я с вами. И был бы не прочь посмотреть, как играют «Брюинз», сидя в спорт-баре или где-нибудь еще.

– Я тоже, – решается Фитци. – Хочу наведаться в игровые магазины в центре. У них есть эрпэгэшки, которых не найти в Интернете. Придется смириться с этим и потратить немного денег.

Холлис в ужасе переводит взгляд с меня на Фитци.

– Игра «Брюинз»? Игровой магазин? Почему я с вами дружу?

Я изгибаю бровь.

– Хочешь, чтобы мы остались?

– Нет. – Он тяжело вздыхает. – Но я *попытаюсь* притвориться, что вы со мной ради телок. Я фыркаю и похлопываю его по плечу.

– Если тебе станет легче, то, само собой, мы с Фитци...

Гляжу на Фитци и подаю ему знак рукой.

– ... тобой ради телок, – завершаем мы в унисон.

7

Сабрина

Я едва передвигаю ноги к тому времени, как возвращаюсь домой из Брайара.

Не могу решить, что ненавижу больше: выходные, когда зависаю в клубе до двух-трех ночи, а затем сортирую письма и посылки с четырех до одиннадцати, или будние дни, когда у меня либо уроки по утрам и почта – после, либо безбожно ранняя смена на почте, после которой начинаются уроки. Сегодня у меня – последнее, так что чувствую себя смертельно уставшей, когда роняю свой рюкзак на пол в коридоре.

Если бы даже я захотела снова встретиться с Такером, а большая часть моего тела голодает «за», я слишком измучена, так что меня хватило бы лишь на то, чтобы лечь на спину.

Хотя... это было бы не так уж плохо. Он мог бы трогать меня там и медленно трахать, а мне оставалось бы просто лежать и наслаждаться.

Я мысленно отвешиваю себе подзатыльник. Такер и его большой член – последнее, о чем следует думать.

На кухне бабуля, одетая в облегающие джинсы, растянутый лайкровый топ и свои любимые пушистые розовые тапки, помешивает что-то в кастрюле на плите.

– Пахнет чудесно, – говорю я ей.

Кипящий красный соус наполняет кухню божественным ароматом, от которого живот урчит и напоминает мне, что сегодня я съела только бублик на завтрак перед работой.

– Девочка, ты выглядишь так, будто сейчас рухнешь. Присядь. Ужин будет готов через минуту.

Мне не нужно говорить дважды, но, когда я вижу пустой стол, делаю крюк, чтобы захватить тарелки и столовые приборы. Через дверной проем замечаю макушку Рэя, плящущегося в телевизор. Наверное, он дрожит – от этой мысли меня передергивает. Я достаю тарелки из серванта.

– Что будешь, молоко или воду? – спрашиваю я, накрывая на стол.

– Воду, детка. Мне кажется, я растолстела. Ты знала, что Энн Хэтэуэй не переносит лактозу? Она вообще не ест молочку. Может, тебе тоже стоит подумать о том, чтобы исключить ее из своего рациона?

– Бабуль, это значит никакого сыра или мороженого. Я всегда буду поддерживать руками и ногами то, что производят коровы, если только врач не скажет, что молочка меня убьет.

– Я лишь говорю, что она может быть причиной, по которой ты чувствуешь постоянную усталость. – Она показывает на меня ложкой.

– Нет, уверена, это потому, что я работаю на двух работах и учусь на очном, – сухо отвечаю я.

– Если она прекратит есть молочку, то наконец перестанет быть мелкой сучкой? – спрашивает Рэй, неспешным шагом заходя в кухню. На нем те же треники, что и обычно. Ткань на мошонке настолько истончилась, что, клянусь, сквозь нее просвечивает розовая кожа.

К горлу подкатывает тошнота, и я отворачиваюсь, прежде чем он успеет окончательно испортить мне аппетит.

– Рэй, не начинай, – недовольно одергивает бабуля. – Детка, передашь мне дуршлаг?

Отчим пихает меня, когда я прохожу мимо:

– Она с тобой разговаривает.

– Само собой. Она ведь знает, что говорить с тобой – все равно что общаться с диваном. Тот же результат.

Я ставлю стакан с водой перед бабушкой и спешу к раковине, чтобы достать дуршлаг. Бабуля сливает соус в миску, пока я занимаюсь лапшой.

Рэй тем временем прислоняется к холодильнику и, словно ленивая жаба, наблюдает, как мы суетимся на кухне.

Ненавижу этого человека всем сердцем. С того момента, как мать привела его домой, чтобы познакомить нас, когда мне было восемь, я поняла, что попала в беду. Я так и сказала маме, но она никогда не прислушивалась к дочери. И, как оказалось, не умела быть рядом. Мама сбежала с другим мерзавцем, когда мне было шестнадцать, и с тех пор я ее не видела. Она звонит несколько раз в год, чтобы «отметиться», но, подозреваю, она не планирует возвращаться в Бостон.

Я даже не знаю, где она сейчас живет. Но точно знаю, что у Рэя нет причин жить *тут*. Он не мой отец: этот титул закреплен за куском дерьма, который бросил маму после того, как она залетела, и он точно не часть семьи. Думаю, единственная причина, по которой бабушка держит его здесь, в том, что он платит треть ренты. И, полагаю, спит она с ним по той же причине. Потому что это удобно.

Но, боже, он такой никчемный! Думаю, даже черви воротили бы от него носы. Если бы у червей, конечно, были носы.

Только когда стол полностью накрыт и паста готова к подаче, Рэй садится.

– Где хлеб? – требовательно спрашивает он.

Бабуля вскакивает со стула.

– Черт. Он в духовке.

– Я сделаю, – говорю я ей. – Сиди на месте.

Хотя бездумные замечания бабули могут ранить, эта женщина все же воспитывала меня, одевала и кормила, тогда как Рэй сидел на своей жирной заднице, курил травку и дробил во время спортивных передач по телику.

Я бросаю взгляд на его спину и впервые замечаю заткнутый за пояс штанов белый конверт. Может, это счета? Последний раз, когда он прятал их от нас, потому что просмотрел дюжину платных порнофильмов, у нас образовалась задолженность за три месяца. Наш бюджет не страдает, только если нет неожиданных сюрпризов вроде этого.

Я вынимаю булочки из духовки, складываю их в корзинку и несу к столу. Затем нагибаюсь и достаю конверт из штанов Рэя.

– Что это? – требовательно спрашиваю я, помахивая им в воздухе. – Счет?

– Это ведь не те грязные шоу, Рэй? – уголки тонких губ бабушки опускаются.

Он краснеет.

– Конечно, нет. Я же сказал, что не смотрю их больше. – Рэй склоняется на стуле, чтобы лгство улыбнуться мне. – Это для тебя. – Он вырывает конверт из моих рук и проводит им под носом. – Как по мне, пахнет злобной сукой.

Алый цвет края заставляет сердце биться быстрее. Я делаю выпад в сторону конверта, но Рэй высоко поднимает руку, заставляя меня сжаться. Боже, *ненавижу* его.

– Отдай ей письмо, – приказывает бабушка. – Еда стынет.

– Я просто пошутил, – говорит он, кладя письмо рядом с моей тарелкой.

Мой взгляд застывает на алом щите в верхнем левом углу.

– Открой его, – настаивает бабуля.

В ее голосе чувствуется нетерпение. Она может насмехаться надо мной по поводу моего никчемного образования и нелепых мечтаний, но, думаю, глубоко внутри она чертовски взволнована. По крайней мере, она может использовать эту новость, чтобы взять верх над другими дамами в ее парикмахерской, чьи внучки заводят детей, вместо того чтобы поступать в Гарвард.

Вот только... конверт очень тонкий. Все мои письма о приеме в колледж приходили в гигантских конвертах, полных симпатичных брошюр и каталогов.

– Она напугана тем, что, возможно, не поступила. – Слова Рэя наполнены одновременно презрением и ликованием.

Я хватаю письмо и открываю его ножом отчима. Оттуда выпадает один-единственный листок. В нем несколько абзацев, ни один из которых я не читаю полностью, просматривая письмо в поисках самых важных слов.

«Поздравляем вас с поступлением в Юридическую школу Гарварда! Надеюсь, вы присоединитесь к нам в Кембридже как ученица...»

– Ну? – подталкивает бабуля.

Самая широкая улыбка в истории человечества расплывается по моему лицу. Голод, усталость, раздражение от присутствия Рэя – все отходит на второй план.

– Я... поступила! – пишу я и, повторяя эти слова, перехожу на крик: – Я поступила! О боже, поступила!

Я машу письмом в воздухе и ношусь по кухне в диком танце. Обычно я не позволяю себе расслабиться перед Рэем, но прямо сейчас этот ублюдок даже не существует для меня. Восторг и облегчение накрывают меня волной, настолько сильной, что я не могу устоять на ногах, падаю на плечи бабушки и крепко ее обнимаю.

– Полагаю, теперь ты станешь ужасно высокомерной, – ворчит она, но мне все равно.

– Не-а, это не делает ее особенной, – протягивает Рэй. – У нее две дырки, как и у любой другой сучки. Три, если считать рот.

Я жду, что бабушка защитит меня, но, очевидно, сейчас ревность одерживает в ней победу над гордостью, и она смеется в ответ на это отвратительное замечание. Вот так просто заканчивается мой праздник с этими людьми. *Жду не дождусь*, когда уберусь из дома.

И все же прямо сейчас ничто не может повлиять на мое счастье. Я кручусь на каблуках и вальсирую по коридору, направляясь к телефону, чтобы сообщить девчонкам.

– Как насчет ужина? – кричит вслед бабушка.

Я игнорирую ее и иду дальше. В своей спальне бросаюсь на кровать и пишу подругам:

Я поступила.

Хоуп опережает Карин на миллисекунду.

О БОЖЕ! Поздравляю!!!

Карин отвечает: *ФОТКУ! ФОТКУ! ФОТКУ!*

Я делаю фото письма и отсылаю его. Пока жду их ответа, возвращаюсь на кухню, накладываю в тарелку пасту, запихиваю в рот пирожок и бегу обратно в спальню. Бабушка и Рэй говорят что-то, но я их не слышу. Меня переполняет радость.

Когда возвращаюсь, нахожу в телефоне дюжину сообщений.

Хоуп: <З

Карин: *ЛЮБЛЮ! ЛЮБЛЮ! ЛЮБЛЮ! ТЫ потрясающая!*

Хоуп: *Я так тобой горжусь. ТЫ станешь лучшим юристом В МИРЕ. Прошу, скажи, что будешь представлять меня, когда меня вызовут в суд.*

Карин: *ЭТО ЛУЧШАЯ НОВОСТЬ!*

Хоуп: *Когда мы сможем выбраться в город? Отказы не принимаются.*

Я жую свою булочку, набирая ответы.

Я: А) У вас обеих теперь есть пожизненная бесплатная юридическая помощь.

Б) Давайте отпразднуем завтра. Я обещаю заказать достаточно, чтобы опустошить ваши кредитки.

Хоуп: *Не может быть! Резервирую места в «Сантино».*

Карин: *Там нужно резервировать стол?!*

Хоуп: *Понятия не имею. Просто так говорят. Но мы можем снова поехать в «Мэлоун», если хочешь праздничного секса.*

Я: *У меня все еще остался номер того парня с прошлой субботы. Как насчет тебя? Твой огород вскопали прошлой ночью?*

Они ходили без меня на вечеринку к Бо Максвеллу. Интересно, был ли там Такер? Если да, то кто был в его машине на этот раз? Мысль о его больших мозолистых руках на груди другой девушки заставляет меня стиснуть зубы от зависти, но я не имею права ревновать. В конце концов, я заблокировала его номер и недвусмысленно дала понять, что не хочу идти с ним на свидание.

Так почему тогда ты разблокировала его номер?

Насмешливый голос в моей голове заставляет меня закусить губу. Ладно, допустим, я разблокировала его номер. Но не потому, что хотела пойти с ним на свидание или что-то вроде, — просто подумала, что это может быть удобно в случае... в чрезвычайном случае.

Боже, как жалко это звучит.

Мой телефон разрывается, отвлекая меня от мыслей.

Карин: *Нет, я была ангелом.*

Хоуп: *Лгунья! Боже, какая же ты лгунья. Когда она спустилась вниз, копна волос у нее на голове была больше, чем у Шер. Пошли ей фото своей груди. Прямо сейчас, или это сделаю я.*

Карин: *Ладно. Ненавижу тебя!*

Иногда мне хочется жить с ними. Я возвращаюсь к пасте и жду фото от Карин. Когда картинка приходит, я едва не давлюсь макарониной.

Я: *Ты что, целовалась с молодым волком?*

Карин: *Нет. С Брэдом Алленом.*

Я шарю в базе данных своей памяти и вспоминаю парня ростом шесть футов четыре дюйма с круглым милым лицом.

Я: *Нападающий форвард? Он похож на херувима!*

Карин: *Ага. Оказывается, он заиклен на засосах. Хорошо, что сейчас холодно, потому что топик после такого не наденешь.*

Я: *Кроме того что он пытался напиться крови из твоих сисек, тебе понравилось?*

Карин: *Было неплохо. Он знает, как пользоваться своим инструментом.*

Я: *Ха-ха! Моя теория про спортсменов подтверждается!*

Хоуп: *Судя по Такеру и Брэду Аллену, похоже, что гипотеза Би верна.*

Карин: *Вы обе знаете, что научные методы работают совсем не так, правда?*

Я: *Ага, но нам все равно.*

Хоуп: *Значит ли это, что ты повторишь с Такером?*

Я: *Сомневаюсь. Он хорош, но где мне взять время?*

Мы переписываемся еще несколько минут, но мой всплеск адреналина уже на исходе. Я ставлю наполовину опустошенную тарелку на прикроватную тумбу и прижимаю к груди письмо из Гарварда. Это все происходит на самом деле. Все то хорошее, ради чего я так усердно трудилась, сбывается. Теперь ничто меня не остановит.

Я засыпаю с широкой, счастливой улыбкой на лице.

«В другой раз, курочки», – пишу я девчонкам на следующее утро после того, как Хоуп спрашивает, не пообедаю ли я с ними.

Хоуп: *Ох, ну почему?*

Я: *Профессор Фромм пригласила меня посетить кампус, так что я прогуливаю свой последний урок и возвращаюсь в Бостон. И, к вашему сведению, я слишком хороша для вас.*

Хоуп: *Целую! Напиши, как все прошло. Жду не дождусь следующего года, когда мы все будем студентами в Бостоне!!!*

Карин на уроке, но я знаю, что получу от нее сообщение, как только он закончится.

Я сажусь на красную ветку, ведущую к Гарвардской площади. Готова поклясться, даже станция метро тут пахнет лучше, чем все остальные остановки на линии, где воняет мусором, застарелой мочой и бомжами. Капмус прекрасен. Хочется широко раскинуть руки и закружиться в нелепом танце от счастья.

Согласно моей карте, около восемнадцати зданий, составляющих юридическую школу, находится на другой стороне кампуса. Нет причин для спешки, так что я пользуюсь моментом и неспешно иду, восхищаясь массивными кирпичными зданиями, деревьями, которые все еще не сбросили последнюю листву, и акрами кое-где еще зеленой травы. Это словно Брайар на стероидах. Даже студенты тут кажутся умнее, обеспеченнее и ходят с важным видом.

Большинство из них носит то, что я называю «униформой богатых девочек»: мокасины от Sperry, джинсы Rag & Bone и толстовки от Joie – те, что выглядят так, будто их достали со дна помойного бака, но на самом деле стоят пару сотен баксов. Я знаю это лишь благодаря гардеробу Хоуп.

Но то, что моя черная юбка и белый топ куплены в дисконте, не значит, что я не вписываюсь в это общество. Может, у меня и не так много денег, как у других, но я бы поставила свои мозги против мозгов любого здешнего студента.

Открываю настежь двери в «Эверетт», здание, где расположен офис профессора Фромм. На стойке регистрации представляюсь. Мне дают журнал, в который нужно вписать свое имя, а затем приглашают присесть.

Я жду не больше минуты, как из бокового коридора, который я не заметила при входе, появляется молодой человек в бело-голубой клетчатой рубашке и темно-синем галстуке.

– Здравствуйте. Я – Кейл Делакура, – он протягивает руку.

Я автоматически пожимаю ее, не понимая, зачем он тут, и в то же время задаваясь вопросом, кому может прийти в голову назвать своего ребенка Кейл.

– Сабрина Джеймс.

– Отлично. Добро пожаловать в Центр юридической помощи. Вот бланк заявления. Если будет нужна помощь, свистни.

Он сует мне планшет с листом бумаги. Я просматриваю документ, не вполне понимая, зачем нужно заполнять бланк, чтобы увидеть профессора Фромм. Выдергиваю ручку из зажима и вписываю свое имя, но вдруг замираю. Не люблю выглядеть глупо, но сейчас понимаю, что лучше спросить, какого черта тут творится.

– Это юридическая помощь? Послушайте, я не...

Он перебивает меня:

– Не беспокойтесь, для этого и нужна юридическая помощь. Для малоимущих. – От последнего слова буквально веет снисхождением.

Волосы на голове встают дыбом.

– Я знаю, но...

– Вы не читаете по-английски? *Hablo español?* – Он вырывает планшет у меня из рук, переворачивает листок и сует обратно. Теперь форма написана на испанском.

– Я говорю по-английски, – рычу я сквозь стиснутые зубы.

– О, ладно. Я могу заполнить вашу форму, если вы не можете читать или писать. Тут много людей с такого рода проблемой. Это домашние проблемы? С владельцем дома или с жильцом? Мы не занимаемся гражданскими правонарушениями. – Он снова одаривает меня высокомерной улыбкой.

– Я студентка, – говорю я ему. – То есть буду студенткой.

С минуту мы смотрим друг на друга, пока он пытается переварить мои слова. Когда он наконец понимает, этот смертельно-бледный парень становится еще бледнее.

– Вы студентка? Боже, я думал...

Я знаю, что он думал. Он взглянул на мое потертое пальто и сразу же причислил меня к малоимущим, нуждающимся в бесплатной юридической помощи. И самое унижительное в этом, что он не ошибся. Если бы мне понадобился адвокат, я бы не смогла заплатить за него.

– Какие-то проблемы? – вмешивается новый голос. Позади Кейла появляется женщина-жираф со сцепленными за спиной руками.

– Нет, никаких проблем, профессор Стейн, – Кейл натянуто мне улыбается, но в его глазах читается предупреждение: не стоит меня подставлять.

Я скалюсь ему в ответ.

– Дейл решил, что я ваша клиентка, но мне назначена встреча с профессором Фроммом.

Женщина изучающе смотрит на меня, быстро оценивая ситуацию. Забирая у меня из рук планшет, она кивает в сторону лестницы.

– Второй этаж, первая дверь слева. – Она передает планшет Кейлу.

– Меня зовут Кейл, – шипит он, напряженно удаляясь прочь.

Профессор качает головой.

– Новые студенты, – говорит она в неуверенной попытке извиниться, прежде чем отправиться в противоположном направлении.

Когда Кейл исчезает в конце коридора, я слышу приветствующий его высокий голос.

– Боже, это было так смешно. Ты правда принял эту девушку за испаноговорящую эмигрантку?

Я должна идти дальше, но мои ноги будто приросли к полу. Девушка на ресепшне с соотраданием смотрит на меня.

– Ты видел, во что она одета? – доносятся из коридора протесты Кейла. – Эту одежду не приняли бы даже на благотворительном сборе в пользу жертв домашнего насилия, который мы проводим каждый год.

Появляется новый голос.

– Над чем смеетесь, парни?

– Кейл принял студентку, пришедшую к профессору Фромму, за бомжа.

С горящими от стыда щеками я встречаюсь взглядом с девушкой на ресепшне.

– Вам стоит сделать что-нибудь с этой акустикой.

Она пожимает плечами.

– Если думаете, что это – худшее из того, что я слышу здесь каждый день, вас ждет большой сюрприз.

О, это утешает. Мысль о том, чтобы задержаться тут, уже не так привлекательна, так что я бегу, перескакивая сразу через две ступеньки. Дверь к профессору Фромм располагается в конце лестницы. Профессор разговаривает по телефону, но сразу же замечает меня.

– Сабрина, входи. – Прикрыв ладонью трубку, она жестом приглашает меня войти. – Я освобожусь через минуту. – Она прощается с собеседником на том конце провода. – Мне пора идти. Студент пришел. Не забудь забрать вещи из химчистки.

Офис заставлен книгами, большая часть – это юридические издания, отличающиеся твердыми оливковыми обложками с золотым тиснением на корешке: North Eastern Reporter.

Я присаживаюсь в черное кожаное кресло, стоящее перед письменным столом, и невольно задаюсь вопросом, каково будет находиться по другую сторону. Это будет значить, что я достигла цели, и никто больше не примет меня за человека, пришедшего за бесплатной юридической помощью.

– Итак... поздравляю! – Она лучезарно улыбается. – Я думала сказать еще тем вечером, но не хотелось портить сюрприз.

– Спасибо. Не могу передать, насколько я взволнована.

– Твои рекомендации безупречны, но... – она делает паузу, и сердце начинает бешено стучать.

Она же не может отобрать мое место, не так ли? Раз оно мое, оно не может быть аннулировано, верно?

– Келли упоминала, что ты трудишься на двух работах, – заканчивает она.

– Да, официанткой и сортировщиком корреспонденции на почте. – Профессор Гибсон точно знает, где я работаю официанткой, но объяснила, что Гарварду это знать необязательно. – Но я планирую уволиться с обеих работ до начала занятий.

Это радует Фромм.

– Хорошо. Я надеялась, что ты это скажешь. Хотя в системе образования уже не отчисляют, как раньше, каждого второго, у нас все же есть студенты, завершающие обучение после первого года. Не хочу, чтобы ты стала одной из них. Этой осенью нужно сосредоточиться на учебе. Предполагается, что за одну ночь вы должны будете усваивать информации больше, чем старшекласники усваивают в семестр.

Она вынимает две книги из стопки на полу и толкает их ко мне. Судя по названиям, одна – по административному праву, а вторая – об искусстве письма.

– Когда у тебя будет время, предлагаю ознакомиться с этим, попрактиковать письмо. Ручка здесь – сильнейшее оружие. Если хорошо пишешь, то будешь много ездить по разным местам. Вторая книга – об административных законах. Многие люди заходят в тупик, когда сталкиваются с различиями между практикой регулирования и корпоративным и гражданским правом. Неплохо быть на шаг впереди них. – Она еще раз подталкивает книги ко мне.

– Спасибо, – благодарю я, забираю книги и кладу их на колени.

– Не за что. Передавай привет Келли, когда вернешься в Брайар.

Ладно. Очевидно, я могу идти.

– Спасибо, – неловко повторяю я, затем беру книги и встаю.

Я пропустила уроки, ехала на метро, попала в унижительную ситуацию с придурком по имени Кейл, и ради чего? Пятиминутного разговора и двух книг?

Когда я подхожу к двери, профессор Фромм снова окликает меня.

– И, Сабрина, позволь дать тебе совет. Потратить немного денег на свой гардероб. Это поможет почувствовать себя как дома, и играть сразу же станет легче. Одевайся так, как одевалась бы для работы, которую ты хочешь, а не для той, которая у тебя есть.

Я киваю, надеясь, что мои щеки не горят огнем. А я-то думала, время «унизить Сабрину» закончилось.

На обратном пути через кампус все выглядит немного мрачнее. На этот раз я замечаю, что большие участки лужайки на самом деле в основном порыжели, а деревья стоят голые, почти без листьев. Студенты до жути однотипны: богатые и привилегированные.

Я добираюсь домой, швыряю книги на комод и ложусь на кровать. Краска в углу рядом с окном потрескалась и пожелтела. Здесь все время текла вода, сколько я себя помню, но, заикнувшись однажды об этом бабушке и получив в ответ пустой взгляд, я больше не поднимала тему ремонта.

Переворачиваюсь на спину и лежу, уставившись в потолок. Штукатурка на нем тоже потрескалась, а кое-где проглядывают коричневатые пятна, которые всегда озадачивали меня. Может, крыша течет?

Я чувствую прилив стыда, но не знаю точно, чего стыжусь: своего уродливого, обветшавшего дома, дешевой одежды или самой себя?

Жалеть себя будешь потом. Время платить по счетам.

Боже. Последнее, чего я сейчас хочу, так это оставить одно постыдное место и пойти в другое, но выбора особо нет. Моя смена в «Ковбойских сапогах» начинается через час.

Я заставляю себя подняться на ноги и хватаю укороченные шорты и лифчик – моя униформа. Осталось проработать там всего лишь десять месяцев, напоминаю я себе, когда натягиваю этот наряд и наношу макияж. Затем сую ноги в туфли стриптизерши на шестидюймовой платформе, накидываю свое поношенное шерстяное пальто и иду в стриптиз-клуб, который, к сожалению, является единственным местом, куда я действительно вписываюсь.

Я дрянь. Живу с дрянными людьми и вписываюсь в дрянные места.

Вопрос в том, смогу ли я когда-нибудь стереть свое прошлое и вписаться в Гарвард. Раньше думала, что смогу.

Теперь, если честно, не знаю.

8

Такер

– Мы отстой, – досадует Холлис.

– Мы в нелучшей форме, – соглашаюсь я.

Сегодняшняя тренировка стала очередной катастрофой, которая не сулила ничего хорошего в завтрашней игре против Йеля. Я надеялся, поездка в Бостон сможет отвлечь нас от поражений, но мы уже почти час сидим в баре, и все, о чем говорим, – это хоккей. То, что вокруг нас на нескольких экранах, – транслируют игру «Брюинз», не помогает: смотреть, как хорошая команда играет в хороший хоккей, – это как украсить вишенкой торт из дерьма.

Я пьюсь на свою пустую бутылку из-под пива, затем машу рукой официантке. Мне понадобится еще пять таких бутылок, если хочу избавиться от мрачного расположения духа.

Холлис все еще ворчит.

– Если не начнем играть в защите, можем распрощаться с шансом получить еще один кубок.

– Это длинный сезон. Давай пока не будем выбрасывать полотенце², – говорит Фитци с другого конца стола. Он потягивает колу, потому что он сегодня – наш водитель.

² «Выбросить полотенце» – так называют действие секунданта, признающего поражение своего боксера.

– Парни, вы всю ночь собираетесь говорить о хоккее? – недовольно интересуется Броуди, брат Холлиса. Ему двадцать пять, но со своим чисто выбритым лицом и надетой задом наперед кепкой Red Sox он выглядит намного моложе.

– О чем еще говорить? Тут парней больше, чем девушек. – Холлис бросает в брата салфетку.

Он прав. В этом баре есть только две женщины. Они примерно нашего возраста, чертовски круты и, кажется, целуются в засос за столиком в углу. Девяносто пять процентов мужчин, включая меня, уже поглядывают тайком на целующихся телок. Другие пять процентов заняты, целуясь друг с другом.

– Ладно, лузеры, – Броуди устало вздыхает – если вам не нравится это место, уходим.

– Куда? – спрашивает его младший брат.

– Туда, где есть девчонки.

– По рукам.

Три минуты спустя мы забираемся в машину Фитци и следуем через город за «ауди» Броуди.

– Хорошая тачка, – замечаю я, указывая на блестящую серебристую машину впереди.

– Он ее арендует, – сообщает мне Холлис. – Любит выглядеть как большая шишка, которой он не является.

– О-о-о, – тянет Фитци с места водителя, – никого не напоминает?

Наш сосед по комнате показывает ему средний палец.

– Приятель, я более крупная шишка, чем *твоя* рыхлая задница. Ты даже не переспал ни с кем в собственный день рождения на этой неделе.

– А я и не искал, с кем бы переспать. Поверь, если бы искал, ты даже не увидел бы меня той ночью.

– Мы и так не наблюдали тебя там! Ты ушел домой раньше, чтобы поиграть в видеоигры!

– Чтобы продемонстрировать игру, которую я создал, – поправляет его Фитци. – Не замечал, чтобы ты с пользой тратил свое время.

– О, я *очень* продуктивно использую свой член, спасибо за беспокойство.

Я прячу усмешку. Меня всегда поражает, как эти двое могут быть настолько близкими друзьями. Холлис – крикливый парень, у которого на уме только телки, тогда как Фитци – серьезный и сосредоточенный лишь на одном: играх. Или, может быть, на двух вещах, если судить по тому, насколько этот парень любит татушки. Их дружба каким-то загадочным образом держится, хотя со стороны кажется, что они вечно грызутся и подкалывают друг друга.

Мы сворачиваем на усыпанную гравием подъездную дорожку и паркуемся рядом с Броуди. Его «ауди» на фоне остальных машин выглядит вполне уместно, но она явно не соответствует бару. Неоновая вывеска над неприметным домом полыхает словами «Ковбойские сапоги», которые расположены прямо под полуобнаженной девушкой, оседлавшей быка.

Холлис в изумлении смотрит на вывеску.

– Серьезно? Тематический вестерн-порнобар в *Бостоне*? Это отстой. – Он смотрит так, будто хочет стукнуть своего брата.

– А ты, что ли, мисс Мэри Солнышко? Броуди закидывает руку на плечо Холлиса и машет нам, чтоб мы шли вперед. – Вы хотели телок, детки? Так вот они.

– Это то, что происходит по окончании колледжа? Нужно платить за телок? – Холлис печально вешает голову. – Я никогда не выпущусь из Брайара, брат. Никогда.

Я коротко смеюсь.

– Эй, подумай обо всех хоккейных фанатках, которые останутся одни, когда Гаррет или Логан начнут играть в высшей лиге.

Это тут же поднимает ему настроение.

– Хороший довод. И посмотри, – он указывает на вывеску, – теперь тебе тоже не нужно уезжать из Бостона. Кто захочет возвращаться в Техас, когда ковбойши есть прямо тут?

– Заманчиво, – сухо отвечаю я, – но хотелось бы придерживаться изначального плана.

Если только вдруг моя мама не полюбит Восточное побережье, по окончании университета я вернусь в Паттерсон. Не уверен, что наш маленький город хорош для того, чтобы начать там бизнес, но я всегда могу попытаться открыть что-нибудь в Далласе и приезжать домой на выходные. Мама очень многим пожертвовала, чтобы я оказался там, где нахожусь сейчас, и я не брошу ее одну.

В дымном стриптиз-баре разит потом и царит атмосфера безумия. Брат Холлиса, возглавляющий нашу группу, сует что-то в руки вышибале, и они недолго беседуют.

– Никаких прикосновений. Частные танцы начинаются от пяти банкнот. – Он жестом подзывает официантку и говорит ей: – Первый ряд, справа от сцены.

Все идут. Все, кроме меня.

– Проблемы?

Резкий голос вышибалы заставляет меня двигаться.

– Нет, – беспечно говорю я.

Но проблема есть. Большая. Мать его, да просто огромная!

Потому что, несмотря на густую подводку и высокий начес, я узнаю эту официантку. Дьявол, если бы было возможно, мои руки и губы уже гуляли бы по ее обнаженной коже.

Пораженный взгляд Сабрины встречается с моим. Я вижу, как краска отливает от ее лица, а это говорит о многом, потому что она и так не пожалела румян, нанося макияж.

– Сюда, – бормочет она и резко разворачивается, взмахнув темными волосами, но я успеваю заметить ее красноречивый взгляд. Видимо, она не хочет, чтобы я говорил парням, что мы знакомы. И это понятно: ей будет неловко.

– Какие телки работают в таких заведениях? – спрашивает Холлис, провожая взглядом задницу Сабрины, едва скрытую обрезанными шортами.

– Крутые, – сухо отвечает Фитци.

Это преуменьшение. Девушки в этом баре более чем круты. Они чертовски эффектны. Подтверждаю собственными глазами.

Высокие, маленькие, полненькие, светлые, темные и все, что «между». Но мой взгляд продолжает возвращаться к Сабрине, как будто я привязан к ней невидимой нитью, протянутой прямо к ее идеальной заднице.

– Беру обратно все грубости, которые сказал о ковбойшах на парковке. Любая из этих девчонок может меня оседлать.

Внутри меня все горит. Мне не нравится мысль о том, что Холлис или любой другой парень в этом месте будет оседлан Сабриной. Она моя.

– С тобой все в порядке? – спрашивает Фитци. – Выглядишь взбешенным.

Я перевожу дыхание.

– Да, прости. Думал о команде.

Кажется, он купился.

– Да, это может вывести из себя кого угодно. Ладно, давай возьмем выпить и забудем о хоккее.

Я рассеянно киваю, все еще наблюдая вдалеке спину Сабрины. Она полностью обнажена, если не считать одной жалкой тесемки, которая выглядит так, будто развяжется от одного дуновения ветра. Мой взгляд опускается ниже, скользит по изящному изгибу ее позвоночника до черных атласных шортиков.

Когда мы подходим к сцене, мой член уже наполовину встал, отчего становится чертовски стыдно. У меня со времен школы не вставал просто от вида женской задницы.

Я отрываю свой взгляд от Сабрины как раз вовремя и едва не налетаю на стол, полный студентов. Один из них тянется, чтобы шлепнуть ее по заднице, когда она проходит мимо.

Во мне мгновенно вскипает ярость, и я делаю рывок вперед, но вышибала, сидящий рядом со сценой, успевает добраться до панка раньше меня.

– Никаких прикосновений, засранец, – он поднимает парня на ноги за воротник рубашки поло. – Идем.

– Эй, извините, – оправдывается тот, – это был рефлекс.

Но вышибала не слушает, и парня вышвыривают из бара, несмотря на протесты. Его друзья молча наблюдают за происходящим.

Холлис ухмыляется.

– Строгие тут правила.

– В нашей команде не хватает такого парня, – замечает Фитци.

– Это точно.

Сабрина протягивает руку.

– Что я могу сделать для вас, ребята? – Ее голос едва слышен в громких танцевальных ритмах, ревуших в клубе.

– Любое пиво из кег. – Я не опускаю взгляда ниже ее подбородка, что, мать его, само по себе чудо.

Я замечаю несчастное выражение, промелькнувшее на ее лице. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: она смущена, и я не знаю, как сказать, что мне плевать, где она работает.

Броуди шлепается на стул рядом со мной. Он водружает локти на столешницу и склоняется вперед, чтобы наблюдать за полуобнаженными женщинами, танцующими в пяти футах от нас. Высокая рыжая девушка как раз избавляется от своих стрингов остается только в кожаной кобуре с двумя игрушечными пистолетами на талии.

– А вам?

Брат Холлиса отрывает взгляд от голой ковбойши и мельком смотрит на Сабрину.

– Виски, чистый.

– Сейчас будет.

– Спасибо, крошка.

Сабрина исчезает с натянутой улыбкой, а я едва сдерживаюсь, чтобы не кинуться через весь стол на Броуди. Сабрина ему не крошка, и, если он назовет ее так еще раз, я не уверен, что смогу сдержаться и не избить его до полусмерти.

– Официантка выглядит знакомой, – орет Холлис мне в ухо, – правда же?

Я пожимаю плечами.

– Не знаю.

Фитци поворачивается, чтобы посмотреть, как она склоняется над соседним столиком, чтобы взять заказ.

– Кажется, она немного похожа на Оливию Манн.

– Вовсе нет. Она в миллион раз круче, – объявляет Холлис. Затем пожимает плечами. – Ладно, может, мы с ней и незнакомы.

Его брат ухмыляется.

– Я спрошу ее потом, не знакомы ли мы. Знаешь, когда она будет стоять передо мной на коленях.

Я сжимаю кулаки – вынужден сдерживаться, иначе измолочу брата Холлиса в фарш, и Холлис разозлится. А Холлис мне нравится.

К счастью, Броуди решает прекратить вести себя как подонок, словно каким-то образом подсознательно понимает, как близок я к тому, чтобы убить его. Он поворачивается ко мне и говорит:

– Мики обмолвился, что ты собираешься начать собственное дело.

Я киваю.

– Планирую.

– Какие мысли на этот счет?

– Есть несколько идей, но еще не определился. Пока сконцентрировался на хоккее.

– Ага, понятно.

– Но, как только окончу школу, рассмотрю варианты.

– Если будет нужна помощь, дай знать. У меня есть пара надежных инвестиционных проектов. Не знаю, сколько у тебя денег, но они доступны не всем. Сегодня вкладываешь пару сотен баксов, а через три года ты миллиардер, и «Фейсбук» выкупает твою долю в бизнесе. – Он щелкает пальцами, как будто это *настолько* просто.

– Звучит интересно. Может, я наберу тебе, когда буду готов. – Я снова киваю, но на самом деле не собираюсь звонить Броуди Холлису насчет его инвестиционного предложения. Нет уж, спасибо, я лучше влезу в какую-нибудь финансовую пирамиду.

Сабрина возвращается с подносом в руке, и все мое внимание тут же переключается на нее. Она расставляет напитки, стоя прямо у моего плеча – вероятно, потому, что я единственный, кто точно не станет хватать ее за задницу, а не потому, что хочет потереться сиськами о мою щеку.

– Скоро вернусь проверить, как ваши дела, – шепчет она и стремительно удаляется.

Боже. Я провожаю ее восторженным взглядом, испытывая желание побежать следом и обнять. Обслуживать толпу парней из Брайара, с одним из которых она еще и переспала, должно быть, не очень комфортно. Она могла бы попросить своего босса, чтобы дал ей обслуживать другую часть зала, но не сделала этого, а продолжает выполнять свою работу, как будто наше присутствие совсем ее не волнует.

Следующие полчаса мы с ребятами смотрим, как стриптизерши делают свое дело. Ну, парни смотрят, а я полностью сконцентрирован на Сабрине. Украдкой бросаю на нее взгляды каждую пару секунд, едва ли обращая внимание на то, что происходит вокруг. Я слышу отдаленный смех, свист, обрывки разговоров, но весь мой мир сузился до Сабрины Джеймс. На том, как чувственно покачиваются ее бедра, когда она идет на высоких каблуках, которые делают ее длинные ноги еще длиннее. Каждый раз, как она проходит мимо нашего столика, я борюсь с порывом просто посадить ее к себе на колени и поцеловать.

– Сколько стоит такая девушка, как ты? – ревет громкий голос за моей спиной.

– Я не танцовщица.

Я напрягаюсь, когда узнаю голос Сабрины. Женщина на сцене только что закончила шоу, и звук музыки немного стих, пока следующая девушка готовится к выходу. Когда я разворачиваюсь на стуле, обнаруживаю, что эти несносные студенты снова принялись за свое.

– Станешь ею, если назовешь правильную цену, – растягивает слова один из придурков.

– Нет. Я просто разношу напитки. – Даже со своего места я вижу, как напряглись ее хрупкие плечи.

– А что если мне нужно больше, чем выпивка? – дразнит парень.

– Поверь, ты не захочешь тратить на меня свои деньги. Я ужасная танцовщица. – Она кажется спокойной, но в голосе звучит сталь. – Еще что-нибудь нужно?

– Дорогуша, я не прошу о бродвейском шоу. Просто хочу, чтобы ты потрясла передо мной своими сиськами и задницей. Может, потерлась бы немного...

Вот и все. Я слышал достаточно.

От меня не ускользает удивленное выражение лица Фитци, когда я отбрасываю стул и иду к столику с придурками.

– Она сказала «нет», – рычу я.

Главный засранец усмехается.

– Она просто стриптизерша, чувак.

Я складываю руки на груди и повторяю:

– Она сказала «нет».

Краем глаза я замечаю, как Сабрина отходит назад.

– Да кто ты такой? – требовательно спрашивает грубиян. – Не суй нос не в свое дело, или я...

Ножки стульев позади меня скребут по полу, и он съезживается на месте, когда видит, как шестьсот фунтов разъяренных хоккеистов смотрят на него сверху вниз. Фитци, с руками, покрытыми татуировками, и шрамом через бровь, полученным на прошлой игре, выглядит особенно угрожающе.

– Или ты что? – спрашиваю я, хмурясь.

– Ничего, – мрачно отвечает студент.

– Так я и думал, – скалюсь я и усаживаюсь с парнями обратно.

У меня уходит ровно секунда на то, чтобы понять, что Сабрина уже почти в другом конце зала. Она ненадолго поворачивается, чтобы бросить взгляд на столик, где мы сидим. Когда наши взгляды встречаются, я безошибочно читаю в ее глазах грусть.

Прежде чем успеваю одернуть себя, я вытаскиваю телефон и посылаю ей короткое сообщение. Не знаю, разблокировала ли она мой номер, но попытаться стоит.

Жаль, что так получилось.

Я не ожидаю ответа, так что искренне удивляюсь, когда спустя пару минут мой телефон вибрирует. Но затем я прихожу в ярость, потому что читаю:

Ты выследил меня?

Мне требуется минута, чтобы собраться. Я делаю глоток пива, глубоко вздыхаю, а затем пишу:

Встретимся у уборной?

На этот раз она отвечает сразу.

5 минут.

Следующие четыре минуты я с трудом заставляю себя не смотреть в телефон и едва сдерживаюсь, чтобы не поставить таймер. Чувствую внутри усиливающееся с каждой минутой нетерпение, поэтому, когда встаю на ноги, я чертовски напряжен.

– Пойду освежусь, – бормочу я, но парни не обращают на меня никакого внимания. Холлис и Броуди слишком заняты, запихивая долларовые банкноты в стринги стриптизерши, тогда как Фитци со скучающим видом наблюдает за ними.

Я протискиваюсь через толпу, преимущественно состоящую из мужчин, к двери в другом конце темного зала. «Ковбойские сапоги» выполнены в стиле Дикого Запада: двери, словно в салуне, отделяют туалеты от главного зала, а на деревянных указателях к ним написано «Стрелки» и «Кобылки». Из-за двери с надписью «Кобылки» я слышу женские стоны, чередующиеся с мужским хрипом. Класс.

– Так ты меня выследил?

Я резко поворачиваюсь на голос Сабрины. Она подходит ко мне, скрестив руки на груди так сильно, что ложбинка между грудей становится глубже.

– Проследил тебя до места работы, ты хочешь сказать? – я поджимаю губы. – Нет, дорогая, я этого не делал.

Она изучает меня несколько секунд, а затем кивает.

– Ладно, верю. – Затем она поворачивается, чтобы уйти.

О дьявол, нет.

– Сабрина, – тихо зову я.

Она останавливается.

– Ч-что?

Я буквально таю, когда слышу дрожь в ее голосе. Она все еще стоит спиной ко мне, ее тело напряжено. Когда подхожу к ней, все негодование, которое я испытывал из-за несправедливого обвинения, полностью улетучивается. Я осторожно беру ее за руку и поворачиваю к себе, чтобы взглянуть в глаза.

– Сабрина, – стараюсь сделать голос как можно мягче, чтобы она поняла: ей ничто не угрожает.

Она тяжело сглатывает.

– Да, это моя работа.

Я киваю.

– Знаю.

– И это все? Тебе больше нечего сказать по этому поводу?

Я поглаживаю ее обнаженное плечо, с удовольствием чувствуя ее дрожь.

– Полагаю, ты работаешь здесь, чтобы получать деньги, которыми потом будешь оплачивать счета. Что еще мне нужно сказать?

Но я знаю, чего она ожидает. Осуждения. Презрения. Может, пару-другую непристойных комментариев.

Но я не такой человек.

Она смотрит на меня, пока наконец на ее роскошных губах не появляется легкая улыбка.

– Я жду той части, где ты скажешь мне, что *никогда* не ходишь по таким местам, друзья просто затащили тебя сюда против твоей воли и все в таком духе.

– Я бы солгал, если бы сказал, что никогда не был в стриптиз-клубе. Но сегодня меня действительно вроде как затащили сюда... Мне хотелось пойти в спортбар. И единственная причина, по которой я приехал в Бостон, – это... – Я замолкаю, потому что не хочу снова напугать ее.

– Почему ты приехал?

Черт с ним. Я пожимаю плечами и говорю:

– Надеялся, что, может быть, пересекусь с тобой.

Сабрина смеется.

– Бостон – большой город, и ты действительно ждал, что случайно столкнешься со мной?

– Ждал? Нет. Надеялся? Абсо... мать его... лютно.

Она снова смеется.

С минуту мы смотрим друг на друга. Затем хриплым от волнения голосом я шепчу:

– Ты разблокировала мой номер.

– Я разблокировала твой номер, – соглашается она.

Потом проводит кончиком языка по нижней губе, и я с трудом подавляю стон. Черт, как же я хочу ее поцеловать.

– Мне нужно... вернуться к работе.

В ее словах есть лишь крошечный намек на нежелание делать это, но мне достаточно, чтобы понять.

– Когда ты заканчиваешь?

– В два.

– Хочешь, погуляем, когда освободишься?

Она отвечает не сразу. Я стою затаив дыхание, надеясь, что грубое, непреодолимое желание овладеть ею не отражается на моем лице, и молюсь, чтобы она сказала...

– Да.

Такер

Я жду Сабрину на парковке. Почти все машины разъехались, остались только те, которые, вероятно, принадлежат сотрудникам. Парни отправились назад в квартиру Броуди пару часов назад, где, вероятно, и останутся пить всю ночь. Я сказал им, что встречаюсь с девушкой в кафе, после чего Холлис дал мне «пять», хоть и назвал дерьмовым человеком, который не позаботился, чтобы у этой девушки была подруга.

После того как они высадили меня у ночной закусочной в нескольких кварталах от клуба, где предполагалось свидание, я убил час, жуя бутерброд и запивая его кофе, чтобы не отрубиться до встречи с Сабриной. Затем отправился обратно в «Ковбойские сапоги» и теперь стою, прислонившись к двери «хонды» Сабрины с нетерпением наблюдая за главным входом.

Когда она появляется, я чувствую нарастающее волнение. Она одета в шерстяное пальто до колен. Ниже – голые ноги.

Мой член твердеет, когда я задаюсь вопросом, значит ли это, что Сабрина все еще в тех самых шортиках? Потом я одергиваю себя, вспоминая, как она была смущена своим открытым нарядом.

– Привет, – говорит она, подходя.

– Привет.

Мне хочется поцеловать ее, но она не посылает никаких сигналов типа «иди сюда, большой мальчик». И все же я хочу прикоснуться к ней, поэтому делаю шаг вперед и заправляю за ухо выбившуюся прядь волос.

Она закусывает губу.

– Куда мы идем?

– Куда ты хочешь пойти? – Я оставляю решение за ней.

– Ты голодный?

– Нет. Только поел, а ты?

– Съела энергетический батончик в последний перерыв.

Я подмигиваю ей.

– Предполагала, что тебе понадобится энергия, да? С чего бы?

Ее щеки мило розовеют. Сабрина борется с улыбкой, и когда та вырывается на свободу, я мысленно себя поощряю. Она так прекрасна, когда улыбается. Хочется, чтобы эта девушка делала так чаще.

Она оглядывается.

– Твоей машины тут нет.

– Да, она у Гастингса. Нас привез Фитци.

Она кивает и снова закусывает губу.

– Ну... что тогда будем делать?

– Никакого давления. – Я подхожу еще ближе, опускаю одну руку на ее бедро, а другой провожу по ее подбородку. Она не отстраняется от моего прикосновения, и пульс ускоряется. – Можем погулять, просто посидеть в машине и поговорить. Все что хочешь.

Сабрина вздыхает, оставляя белое облачко пара в холодном ночном воздухе.

– Я не в настроении гулять. Тут холодно, а ноги гудят после ночной смены. К тому же моя машина маленькая, и тебе станет неудобно уже через пять минут.

– Хочешь вернуться домой?

Она напрягается.

– Не очень. – Вырывается еще один вздох. – Я не хочу, чтобы ты...

– Что?

– Не хочу, чтобы ты видел, где я живу. – Она будто защищается. – Это дерьмовое место, понятно?

Мое сердце чуть саднит, но я молчу: не знаю, что сказать.

– Ну, кроме моей спальни, – смягчается она. – Спальня не дерьмовая.

Сабрина замолкает, как будто ведет внутреннюю борьбу.

– Серьезно, – говорю я ей мягко, – не хочу давить, но если ты боишься, что я начну осуждать место, где ты живешь, не нужно. Мне неважно, особняк это или хижина. Я просто хочу провести с тобой время, где угодно и как угодно.

Когда я касаюсь ее губ подушечкой большого пальца, напряжение уходит.

– Окей, – наконец шепчет она, – поехали ко мне домой.

Я заглядываю ей в глаза.

– Уверена?

– Да, все нормально. Я бы предпочла сейчас оказаться там, где тепло и уютно. Не то чтобы мой дом был таким местом, но в нем уж точно теплее, чем здесь.

Приняв решение, она открывает водительскую дверь и проскальзывает за руль. Я сажусь на пассажирское сиденье. Она права: мои ноги не помещаются в эту машину. Даже когда я максимально отодвигаю сиденье, места, чтобы вытянуть их, все равно не хватает.

Она заводит мотор и выезжает с парковки.

– Я живу не очень далеко.

Всю оставшуюся поездку мы молчим. Не знаю, она то ли нервничает, то ли сожалеет о том, что согласилась со мной встретиться. Надеюсь все же, что не последнее.

Я не пытаюсь заговорить с ней, зная, что могу напугать. Терпение – так называется эта игра. А терпение с Сабриной Джеймс вознаграждается. В ней очень много страсти, и вопрос лишь в том, как помочь ей достичь нужного уровня комфорта, чтобы выпустить эту страсть на свободу.

Когда мы поворачиваем на ее улицу, я притворяюсь, будто вижу это место впервые и вовсе не узнаю узкие, покосившиеся дома, стоящие в ряд. Будто я не спал всю ночь в машине у этого неровного бордюра, когда провожал ее, желая убедиться, что она нормально доехала.

Сабрина поворачивает на подъездную дорожку к маленькому навесу в задней части дома, глушит мотор и молча выходит из машины.

– Сюда, – шепчет она, когда я подхожу к ней.

Она не берет меня за руку, но проверяет, иду ли я следом, когда поднимается по низким ступеням крыльца. Ключи тихо позвякивают в тишине ночи, когда она открывает дверь.

Секунду спустя мы входим в крошечную кухню с желто-розовыми уродливыми обоями. В центре стоит квадратный деревянный стол, окруженный четырьмя стульями. Плита выглядит старой, но, очевидно, работает, поскольку на конфорках оставлены грязные кастрюли и сковородки.

При виде беспорядка Сабрина бледнеет.

– Бабушка всегда забывает убрать за собой, – говорит она.

Я оглядываю тесную комнату.

– Вы вдвоем живете?

– Нет, еще с отчимом. – Она не развивает эту тему, и я больше не задаю вопросов. – Но не беспокойся. В ночь пятницы он играет в покер... обычно остается там и приходит только около полудня следующего дня. А бабушка всегда принимает перед сном «амбиен» и спит как убитая.

Я не беспокоился, но у меня создается впечатление, будто она пытается подбодрить не меня, а себя.

– Моя комната тут. – Она ныряет в коридор, прежде чем я успеваю сказать хоть слово.

Я иду следом по узкому коридору, ступая по грязному ковру, и замечаю, что тут нет никаких семейных фотографий на стенах. Сердце болезненно сжимается: я вижу, как опустились плечи Сабрины, и понимаю, что она стыдится этого места.

Твою ж мать. Мне не нравится видеть ее такой разбитой. Хочется рассказать ей про облупившуюся краску в нашем доме в Техасе, о том, как все старшие классы школы я спал в самой маленькой комнате, чтобы мама могла использовать большую спальню для своей парикмахерской на дому, которая дополняла работу в городском салоне.

Но я молча слеую за ней.

Комната Сабрины маленькая и аккуратная – очевидно, это ее убежище. Двухспальная кровать идеально застелена бледно-голубым покрывалом. Письменный стол безупречен, заставлен аккуратными стопками книг. Здесь пахнет чистотой и свежестью, чувствуется аромат сосны, лимона и чего-то захватывающе женского.

Сабрина расстегивает свое пальто, снимает и вешает на стул у письменного стола.

Мой рот наполняется слюной. Она накинула футболку поверх откровенного бюстгалтера – ее рабочей «униформы», но все еще в этих обрезанных шортах. И каблуки, боже прай, эти каблуки...

– Итак, – начинает она.

Я расстегиваю свою куртку.

– Итак, – отвечаю эхом.

Ее темные глаза следят за моими движениями, когда я распахиваю куртку. Затем она резко трясет головой, как будто пытается отвлечься от... Оценивания меня, полагаю? Я прячу усмешку.

– Это я и имела в виду, когда говорила о том, что не хочу отношений, – говорит она.

– Знаю, поэтому и не звонил. – Я подхожу к столу, просматривая названия бесчисленного количества учебников.

На стене висит небольшая пробковая доска с двумя приколотыми фотографиями. Невольно улыбаюсь, когда вижу Сабрину между двумя другими девушками. У той, что слева, яркие рыжие волосы, и она показывает язык, намеренно прижимая к себе Сабрину. У той, что справа, длинные тонкие косы, и она целует Сабрину в щеку. Они, очевидно, обожают ее, и мне становится легче – по крайней мере двое поддерживают ее тут.

– Мои девчонки, – объясняет она, становясь рядом. Затем указывает на правую, – это Хоуп... – переводит взгляд на левую, – и Карин. Они ангелы, присланные мне из рая. Серьезно.

– Кажется, они крутые. – Мой взгляд блуждает по фотографиям, но вдруг останавливается на белом листе бумаги с эмблемой Гарварда в углу. – Матерь божья, – выдыхаю я, – это то, что я думаю?

Ее лицо светится.

– Ага. Я поступила в Гарвардскую юридическую.

– Черт, да! – Я резко поворачиваюсь, притягивая ее к себе. – Поздравляю, дорогая. Горжусь тобой.

– Я тоже собой горжусь, – говорит она приглушенным голосом, уткнувшись мне в шею.

Черт, объятия были плохой идеей. Теперь все, на чем я могу сосредоточиться, – это полные, округлые груди, прижатые ко мне. И, клянусь, ее соски тоже затвердели.

В тот момент, когда Сабрина чувствует изменение в моем теле, ее дыхание сбивается.

– Прости, – с сожалением говорю я, делая шаг назад. – Мой член в замешательстве.

С ее губ срывается смешок. Она слегка запрокидывает голову и смеется, глядя на меня. В ее глазах я определенно вижу искорку огня.

– Бедный мальчик, – шепчет она. – Мне нужно объяснить ему разницу между трахом и обнимашками?

Боже. Этой девушке нельзя произносить слово *трах*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.